

Книга третья

ЛИТЕРАТУРА
СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ
ЭМИГРАЦИИ

ГЛАВА 7

ОДИССЕЯ БАХАУДДИНА ХУРША

1. СЛУЖИЛ ЛИ В ВЕРМАХТЕ ВНУК ШАМИЛЕВСКОГО НАИБА?

В 1995 году в Самсуне (Турция) вышел справочник «Писатели кавказской диаспоры», куда вошло имя политэмигранта Бахауддина Хурша. Печатные труды этого военного историка, внука известного шамилевского наиба Нур-Мухаммеда Согратлинского, изданные в 30-40-х годах в Германии и Польше, практически остаются не известными у него на родине.

Имя этого человека в последний раз упоминается в советской прессе в протоколах судебного процесса над Уллубием Буйнакским, где полковник бывшей царской армии проходит как свидетель. Впоследствии оно встречалось разве что в протоколах бесчисленных допросов близких родственников Б. Хурша, которые были расстреляны, либо репрессированы, и через которых НКВД пытался установить его местонахождение.

Доподлинно известно, что в 1917 году, после образования Горской республики Б. Хурш получил должность в правительстве ее вооруженных сил, а после установления в Дагестане Советской власти Бахауддин эмигрировал сначала в Турцию, а затем в Польшу. Несколько дагестанцев, побывавших в плену у немцев во время второй мировой войны, рассказывают о некоем высокопоставленном офицере, изъяснявшемся с ними по-аварски и даже устроившем им побег, однако КГБ не подтверждает его сотрудничества с немцами, а выходящий в Париже журнал «Часовой» в статье «Выдача горцев Кавказа» упоминает о пленном польском офицере, полковнике Польского Генштаба, которого друзьям удалось вывезти из Берлина. (См ниже).

Вдова художника Х. Мусаясул Мелани (Мать Жероме), предоставившая нам для публикации едва ли не единственный оставшийся экземпляр книги Б. Хурша на русском языке «Ахульго»*, подаренный автором ее мужу, рассказывала о встречах своего супруга с Бахаутдином в Мюнхене:

«Бахауддин навещал нас в форме польского полковника». Так или иначе, но свои труды в журнале «Горцы Кавказа», издаваемом и эмиграции А. Цаликовым, Б. Хурш подписывал как «Полковник Генерального штаба», хотя и не уточнял какого. Однако, наивно полагать, что имелся в виду штаб русской императорской армии, которая к выходу в свет произведений ее бывшего полковника, была разбита и расформирована. Нам также удалось уточнить через упомянутый журнал «Часовой», что известный польский генерал Вишневецкий был старым другом по Академии Генерального штаба.

В любом случае, обвинения в сотрудничестве Б. Хурша с фашистами, буде даже они подтверждены документально, сегодня нуждались бы во взвешенной оценке: опубликованные в последнее время документы и статьи западных исследователей дают для сомнений достаточно оснований. К примеру, А. Авторханов, близко знавший Б. Хурша, в своих мемуарах свидетельствует, что многие эмигранты были вынуждены сотрудничать с немцами во имя спасения родины от сталинской тирании и во имя независимости своих народов. Генерал Власов, например, ввел в свою декларацию, принятую в Праге, пункт о праве народов СССР на национальное самоопределение и независимость. Что касается Б. Хурша, то, как будет показано ниже, он не только не сотрудничал с немцами, но и был в немилости у них.

В годы войны в Праге был создан комитет Освобождения Народов России. От Северного Кавказа в него вошли осетинский профессор Цаголов и кабардинец Сижаж. В деятельности этого комитета Б. Хурш участвовал и как автор Северокавказского издательства, и как военспец. Там он опубликовал свои основные труды «Оборона Салты», «Оборона Гергебиля», «Военная операция в Дагестане в 1843 году» (последняя публикуется в этой книге).

Умер Б. Хурш после Второй Мировой войны в Египте. Обстоятельства жизни его покрыты мраком легенд и тайн. В настоящем очерке нам удалось восстановить кое-какие факты и события, почерпнутые из архивов тогдашнего КГБ, эмигрантской прессы того периода и рассказов тех, кто был лично знаком с Бахаутдином Хуршем.

2. ДОЛГОЖДАННЫЕ СОЮЗНИКИ

* Военно-историческое исследование «Ахульго» вышло в свет в Праге в 1938 году на русском языке, затем было переведено на польский. Тираж русского издания либо сгорел во время бомбежек, либо был конфискован после победы над Германией советской комендатурой. До сих пор многие западные исследователи пользуются польскими изданием. К примеру, профессор Тель-Авивского Университета Моше Гаммер в своей книге «Горская оборона царизму» ссылается на польское издание.

В 1996 году мною издан русский текст этой книги (Махачкала, из-во «Юпитер» - М.Д.).

В начале зимы 1918 года Темир-Хан-Шура напоминала исполнинскую сцену, кишашую толпами актеров в самых невообразимых костюмах: литые английские френчи и черная униформа добровольческих оккупантов, экзотические черкески времен Кавказской войны и изысканные парижские костюмы в полосочку и без, но с непременным «кис-кис» под дрожащими кадыками ораторов, кожанки и кожаные же галифе, мундир османцев, увенчанный красным муаровым куполком-феской. К рокоту природного дагестанского многоязычия примешались салонный русский язык и соленый расейский мат, чопорная колоратура английских фраз и певучая в замысле, но фальшивящая солдафонскими нотками турецкая речь.

В октябре 1918 года в Шуру вошли турки по просьбе Горского Правительства для борьбы с большевиками. Одновременно за помощью к Нури-паше обратились имам Н. Гоцинский и шейх Узун-хаджи, представлявшие крупные антибольшевистские силы.

Британия, де-факто признававшая Горскую республику, считала, что она не в силах справиться с большевиками и сама оккупировала Дагестан, одновременно потребовав от турецкого командования покинуть его пределы. В декабре в Шуру прибыла военная миссия, контролировавшая эвакуацию турков.

Было ясно, что, упрекая Горскую Республику и ее правительство в недееспособности, британское правительство не желало признания независимого государства на Северном Кавказе. В кругах дагестанских офицеров поговаривали о военном перевороте, который англичане собираются совершить руками генерала М. Халилова при поддержке генерала А. Деникина.

...Высокий молодой сибарит в старорежимной шинели офицера Русской императорской армии в сопровождении худощавой женщины в аварском костюме не вписывались ни в одну из мизансцен, разыгрываемых во всех тупиках губернского городка.

Неожиданно офицер остановился, пристально поглядел на двух расхлябанных солдат, примостившихся с бутылкой «Смирновской» на каменистом обледеневшем постаменте памятника Аргутинскому-Долгорукому. Солдаты и бровью не повели, завидя офицера. Революция сделала их свободными.

Офицер коснулся локтя женщины и отошел в сторону солдат. Те инстинктивно вытянулись, глухо шлепнули опорками, икая и разевая небритые физиономии для объяснений.

– Виноват, вашбродь... – но объяснения были прерваны звоном четырехгранной бутылки, разбитой о голову бедняги, пытавшегося спрятать ее в карман шинели. Держа в руках осколок, на котором сохранился выдутый двуглавый орел, офицер секунду-другую о чем-то думал и вдруг закричал:

– Труссы! Сволочи! Армию пропилили, империю развалили, за большевичками поползли! Мира захотелось! Земли захотелось! Будет вам и то, и другое в Сибири...

Но солдаты, спотыкаясь о камни пьедестала, цепляясь за густой желтый кустарник, ползком, трусцой скрылись за поворотом, похрустывая по осыпавшимся лакированным стручкам гледичии.

– Бахауддин, зачем ты так? В чем эти несчастные виноваты? – успокаивала его женщина.

– Извини, Джавгарат, – вздохнув офицер, – раньше со мной такого не бывало. Но разве ты не видишь, что творится? Воровство, грабеж, хамство, уклонение от службы – все это они называют свободой! Свобода – удел достойных, а когда она достается черни, избранные становятся невольниками обстоятельств.

Несколько минут они шли молча, как был обдумывая случившееся.

– Я не знаю чем все это кончится, – продолжал офицер, – но страшнее то, что я не знаю как приложить свои силы и опыт, не знаю кому служить, кого и от кого защищать. Я не политик, я – солдат. Мой долг защищать родину. Но сегодня все сошли с ума. Несколько правительств, несколько вождей – и все говорят об одной и той же родине. Примкнешь к одним – другие назовут тебя изменником. Сидеть, сложа руки тоже нельзя – трусом прослывешь.

– Трусом тебя никто не посмеет назвать: Три Георгиевских креста за Мировую войну, – вставила Джавгарат.

– Подожди, – приказал Бахауддин, – вот здесь турецкие казармы.

У ворот Бахауддина удивленно оглядел часовой.

– Позови Нури-пашу, – по-турецки приказал ему Бахауддин.

– А ты кто-такой? – попытался изгаляться часовой, не спуская глаз с русской шинели.

– Скажи, к нему пришел внук шамилевского наиба, полковник Бахаутдин Хурш.

– Внук шейха Шамиля!

– Его наиба!

– Бирдакка, эфендим, бирдакка^{*}, – уважительно засуетился часовой что-то кому-то передал за ворота. Через несколько минут, широко растворив их, вышел улыбающийся Нури-паша.

–Эфендим! Ханым, – радостно развел он руками, приглашая гостей, – риджа эдерим, риджа эдерим^{**}

– Это – моя двоюродная сестра, Джавгарат-ханым, -представил Бахауддин спутницу.

Нури-паша, заочно знакомый с Б. Хуршем по рассказам Н. Гоцинского, не преминул продемонстрировать свое внимание к его персоне и свой интерес.

* Минуту господин, минуту! (тур.)

** Прошу вас. (тур.)

– Не знаю, ханым, что острее у Вашего брата – шашка или язык. Нажмуддин-бей рассказывал мне, как однажды перед сражением Бахаутдин-бей предложил имаму свой план проведения военной операции. Имам не послушался и... проиграл бой, после чего покорно вздохнул: «Это – воля Аллаха!». На это Бахаутдин-бей ответил ему: «Нет, это – твое безволие».

Вдруг, невесть откуда сорвавшись, с радостным ржанием галопируя по двору, к Джавгарат подбежал ослепительно белый арабский скакун с болтающимся ленчиком. Он сразу узнал свою хозяйку.

Нури-паша в немом удивлении поглядывал то на Бахауддина, то на его сестру, то на скакуна.

– Джавгарат пожаловалась мне, что в отсутствие ее отца у них со двора увели этого скакуна, – объяснил Бахауддин.

– Кто увел? Найти немедленно, – взревел Нури-паша.

– Не надо искать, мы прощаем его, – сказал Бахауддин, но тебе я хочу сказать. Вчера мой зять Бутай – он известный во всем Дагестане лекарь – проведal мне об одном случае, свидетелем которого он был в Кумухе. Турецкий офицер шел с денщиком, а навстречу им шел известный в Лакии Аминтаев с другом. Аминтаев говорил о политике, о том, что наши братья турки приехали, чтобы помочь прогнать большевиков и Деникина. Вдруг обе пары остановились лицом к лицу. Аминтаев собирался было дружелюбно протянуть руку офицеру, но в следующее мгновение тот приказал денщику снять поклажу а Аминтаеву жестом указал: бери и неси дальше. Аминтаев отказался, а когда турецкий офицер взмахнул нагайкой, Аминтаев успел заколоть его кинжалом. Недавнему вашему другу ничего не оставалось, как податься в большевики. Ты задумайся, Нури-паша, над этим фактом. Разъясни своим солдатам для чего они здесь. Мы не дождались вас при Шамиле, мы не дождались вас в 1877 году, так неужели сегодня мы дождались вас для этого?! Нам нужна взаимопомощь, а не взаимовражда.

Нури-паша пристыженно молчал и обещал разобраться. Поинтересовался, почему Бахауддин в русской шинели. «Другой не выдали», – горько усмехнулся он. «Возьми нашу», – загадочно предложил Нури-паша, – «Боюсь, что скоро вы сами переоденетесь в кавказскую форму: ты разве не слышал, что Горское правительство пытается удержать вас изменением вашего национального статуса?»

Нури-паша, конечно же, слышал об этом, но разговор казался ему преждевременным: рано выдавать свое отношение к тайной акции Горского правительства.

3. РОДОСЛОВНАЯ

...Дом был пуст. В 1912 году сюда из Согратля перебрался отец Бахауддина Абдулла с женой, сыновьями Магомедом и Ахмедом и дочерью Атикат.

Близнецы-мальчики сразу же поступили на учебу в реальное училище. Но вскоре тяжелая семейная драма вынудила Магомеда (будущего писателя, автора первого дагестанского романа «Сулак-свидетель») оставить родительский дом.

Случилась она в начале 1917 года. В России свершилась буржуазная революция (а это – испытание не только для впечатлительного подростка, но и для зрелого ума). Большую часть времени Магомед и Ахмед проводили в училище и на улице и, конечно же, не могли не слышать подкупающих лозунгов большевиков, об их борьбе с «царскими колонизаторами» и с муллами, против которых в свое время боролся Шамиль. Бахауддин же отзывался обо всем этом иначе, хотя и не углублялся в темы...

Однажды Абдулла заявил домочадцам о своем намерении жениться вторично. Мать приняла это решение безропотно, но Бахауддин вызвал отца на принципиальный разговор. К тому времени он был самостоятельным мужчиной. Участник Мировой войны, полный Георгиевский кавалер, награжденный командованием золотой шашкой, он производил впечатление одной своей внешностью. Поговаривали о его романе с Тату Булач, хотя Бахауддин напрочь отрицал эти слухи. Так вот, наградная шашка висела на ковре и редко когда младшие братья видели ее обнаженной, несмотря на то, что слезно просили Бахауддина показать, остра ли она.

В тот роковой для Хуршиловых день младшие дети, напуганные скандалом, с ужасом созерцали оружие, вынутое старшим братом из ножен.

– Выбери, она или мы! – поставил условие отцу Бахауддин.

– Она, – невозмутимо ответил диван-бек, имея ввиду, конечно же, свою страсть, не желая терять отцовской амбиции и добавил, воздев руки к небесам: – Проклятье Аллаха над нашим тухумом. Сыновья и отцы друг против друга...

– Тогда знай, – прервал его Бахауддин, – что отныне у тебя нет детей! – и, держа шашку с обеих концов, переломал ее о колено.

Швырнув обломки к отцовским стопам, он схватил в охапку братьев с сестрой и вышел из дому... Можно себе представить, какой отпечаток наложила эта сцена на неокрепшие детские души.

На протяжении нескольких поколений важнейшие социально-политические явления не обходили стороной род Хуршиловых. Более того, они оставляли трагический отпечаток, разводя по враждующим станам единокровных братьев, отцов с сыновьями. Достаточно вспомнить, что дед Бахауддина во время восстания 1877 года воевал на стороне царской администрации, подавлял мятежников, в рядах которых был его отец – Нур-Мухаммед Хурш. Такой же раскол намечался в семье Хуршиловых и сейчас. Своенравный Магомед после семейной сцены ушел скитаться. Пешком, на перекладных, на крышах поездов он добрался до Баку, пытаясь, помимо старших, самому разобраться в сути происходящих событий.

Там, в Баку и застала его Октябрьская революция.

На булыжных мостовых, в толпе манифестантов, в рабочих кварталах и на шумных проспектах худенький черноволосый подросток в оборванной одежде бегал с кипой газет и выкрикивал: «Бакинский рабочий! Берите «Бакинский рабочий!»

Кто бы мог подумать, что этот бойкий полуголодный сорванец, устроившийся работать при редакции пролетарской газеты – отпрыск шамилевского наиба и брат царского полковника, твердо решивший стать большевиком.

Несомненно, связь с большевистским органом, поручения которого Магомед выполнял с гордостью, и рассказы сотрудников дали ему большой материал для романа «Сулак-Свидетель», о котором впоследствии, в эмиграции, Бахауддин отзовется так: «Продался! И за какую цену продался!»

По-своему заразился политикой и диван-бек Абдулла Хуршилов, правда, Бахауддин подозревал, что он заигрывал с социалистами в пику своему сыну. Во всяком случае, другого объяснения его эпистолярной политологии он не находил, всякий раз перечитывая письмо отца:

«От Абдуллы Хуршилова Махачу Дахадаеву. Большой салам и привет дорогому младшему брату Магомеду-Али! А затем. Желание: Бог тебе в помощь. Пусть задуманное тобой дело и то, что ты делаешь будет угодно и Богу, и народу.

Во-вторых: хочу тебе рассказать, мой младший брат, о тех людях, которые бесчинствуют в нашем Гунибском округе. Этот Узун-хаджи из Салтов совершает большие опустошения в округе. Наши согратлинские простолюдины, поверив ему, пошли за ним. Даже те, кому нельзя быть и чабаном, наделены теперь властью и совершают всякие недопустимые вещи.

Испорчен порядок, при котором люди и джамаат могли избирать своих представителей власти. И это испортил Узун-хаджи. Покушаются на общий фонд и даже на сиротский фонд, объясняя это тем, что нужно тратить деньги на подготовку в армию молодых людей, которые даже не молятся и не постятся.

Тех, кто не называет имамом Гоцинского Нажмудина, а его шейхом-Узун-хаджи, кто не признает сотников – векилями, наказывают. Вводят смуту в населении. Если кто-то пытается сказать правду – называют изменником. Письма, которые приходят свыше, читают в своих узких кругах, а населению не дают знать об их содержании.

Сотник, который был в Согратле, якобы получил приказ от имама и отправился в Дженгутай, а с ним и Узун-хаджи. Учти это. Выясни – для чего они поехали. Они вооружены до зубов.

В наших краях деспотизм их хуже деспотизма николаевского. Если ты и твои друзья оставите народ в его страданиях, имея возможность помочь ему, то вы ответите за это в День Страшного Суда. Знайте, что Всевышний потребует ответа от вас.

Что нужно нашему народу? – Распространения закона, по которому правила бы жизнь люди избранные. Есть еще о чем писать, но я сказал коротко. Так показалось разумным. Недосказанное – передаст Аббас.

Еще. Постарайся проследить: если кто-то отправится в Шуру от нас, то это – не народные поверенные. Они выбраны не общиной, а самозванцы. На самом деле

наша община готова отправить настоящих своих представителей. Если захотите подтверждения – мы подтвердим телеграфом.

*Твой брат Абдулла Хуришилов.
7.01.1918 г**

Это письмо стоило бы жизни отцу, поэтому Бахауддин всегда держал его при себе. «Неужели отец – информатор Махача и большевиков?» – не верилось ему. Незадолго до дня написания письма Военно-революционный комитет Кавказской Армии издал приказ, в котором говорилось, что капиталисты и помещики на Северном Кавказе искусственно захватили власть и сеют рознь между народами (Имелось в виду Горское правительство). В связи с этим солдатам революционной Кавказской армии приказывалось: «Не допускать этого» и прочее. Очевидно, отец внимательно изучил этот приказ, поверил в силу большевиков и сделал ставку на Махача, в надежде заполучить должность в очередном правительстве. «Но я – то их знаю, большевиков» – ухмылялся Бахауддин.

4. СВИДЕТЕЛЬ

Да, он слишком хорошо знал дагестанских большевиков. Знал кто и зачем становится ими, знал что и почему делают они. И дело не только в их политических программах, скопированных у российских соратников, сколько в обстоятельствах личных, бытовых...

3 июля 1919 года Полковник Бахауддин Хуришилов получил повестку в суд, где он должен был дать показания в качестве свидетеля по делу его бывшего однополчанина А. Меджидова вкупе с другими большевиками, причастным к организации, ставившей целью переворот в Горской республике и объединение с российским большевизмом.

У здания суда его окликнул знакомый, дрожащий голосок красавицы Тату Булач.

– Бахауддин! Ты ведь полковник! Ты знаешь, Уллубий – за народ. Сделай что-нибудь!

– Тату, – строго оборвал ее Бахауддин, – Уллубий – большевик, хотя мог и не становиться им, если бы не обиделся на своих родственников, лишивших его наследственного дворца с атлантами на берегу Каспия в Петровске. Не будем врать друг другу. Так вот, теперь он – большевик, и если бы то, что он задумал, сейчас исполнилось, Британия вместе с Деникиным тотчас восстали бы здесь режим наподобие царского. Разве это называется «за народ?».

– В тебе говорит ревность, – шумно всхлинула Тату, – я знаю, вы оба любите меня. Но не губи его! Если он останется жив, обещаю тебе свою – любовь!

* Письмо написано на аварском языке дагестанским насхом и хранится в архиве племянника Б. Хурша М. Бутаева.

– Я не требую от тебя таких унижительных для меня жертв. Из ревности я мог бы убить твоего Уллубия на дуэли. Есть вещи поважнее любви.

– Вот как?! А раньше ты говорил иначе, – кокетливо обиделась Тату.

– Говорил... говорил... – смягчился полковник, – но, во-первых, я прохожу по делу Меджидова, этого изменника и перебежчика. Во-вторых, ничего насчет Уллубия тебе обещать не могу, хотя слово за него постараюсь замолвить.

Тату благодарно улыбнулась и заговорщически шепнула ему на ухо: приду к тебе...

Бахауддин почувствовал, что от дуновения ее слов остывающее сердце разгорелось и вспыхнуло забытым жаром...

... – Вызывается свидетель, полковник Хуршилов. Что вы можете сказать по делу прапорщика Меджидова?

– Прапорщик Меджидов командовал сотней, когда в Шуре была Советская власть, а когда она пала, Меджидов просил командование полка снова зачислить его в личный состав, но общество офицеров ему в этом отказало. Тогда он отправился в Дженгутай и стал агитировать за Советскую власть. Там он сформировал Красную Армию, которой командовал, а жалование получал от Буйнакского и Коркмасова, и стал активно стравливать население – бедных на богатых: отнимать земли, дома, скот... Мотивировал он это тем, что так написано в «Капитале», а так же у Ульянова.

– Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе, так решил, принимая пост командующего Армией Меджидов, – вставил прокурор Басин, – Служил он в скромном чине, незаметный в Дагестанском полку, тут предлагают стать главкомом. Соблазн великий есть, и Меджидов соблазнился. Он получает деньги для красноармейцев и ведет 13 мая наступление на Шуру...

– Смягчающим для Меджидова обстоятельством я, господин прокурор, считаю его полную беспринципность и его уникальную способность политического перевоплощения. Твердых убеждений у него нет, поэтому всякой новой власти он может принести столько же пользы, сколько принес предыдущей администрации, – закончил Бахауддин.

(Это была ирония, которую многие поняли и приняли на свой счет).

...Тату в черном атласном платье, напоминающая агатовую статуэтку, сидела на краешке дивана, перебирая складки гюльменли, кончиками которого изредка промокала уголки восхитительных, влажных от переживания глаз. Когда вошел Бахауддин, она инстинктивно бросилась к нему, схватила за запястья и, тряся их, в молчаливом нетерпении ждала ответа.

– Их расстреляют, Тату, всех расстреляют! Приговор уже вынесен и никто им не в силах помочь. То, что они сделали – мальчишество: собраться средь

бела дня без соблюдения конспирации, да еще с полным реестром секретных документов... Видимо, русские большевики, воспитанные на политических традициях Емельяна Пугачева, внушили им, что такие методы приемлемы везде. Но это Дагестан, Тату, Дагестан. Здесь никогда не признают узурпаторов и тех, кто насильно захватывает власть. Разве история их ничему не научила?!

Каким бы плохим и бездеятельным ни было Горское правительство, но оно избрано народом, и идти против него, значит – идти против народа.

– Расстреляют... расстреляют... – в шоке шептала Тату, – Но за что?

Бахауддин подробно изложил ей суть судебного процесса, стал разъяснять ситуацию, но Тату уже было не до политики. Обессиленная, в истерике она упала на руки Бахаутдина, который едва успокоил несчастную женщину.

5. ПОЧЕМУ – ПОЛЬША?

Британское правительство, подготовленное против кабинета Коцева Деникиным и дагестанским офицерством, вынудило подать правительство Горской республики в отставку. Деникин, лояльно относившийся к Горскому правительству, тем не менее посчитал удобным оставить его при пиковом интересе: все равно оно занимается «чистой политикой» и с задачей создания единого общегорского фронта борьбы с большевизмом не справляется, так как между многими горскими народами (да и внутри каждого) явно наметилась классовая неприязнь. Большевики умело науськивали бедноту на богатых.

Правда, для Дагестана делалось исключение: английский командующий в Петровске подтвердил, что он установил соглашение с Деникиным, которое не допустит оккупацию Дагестана добровольцами, если тот отделится от Горской Республики. И вот 23 мая 1919 года дагестанское отделение парламента Горской Республики решило «на неопределенный срок» отделиться от нее и основать временное дагестанское правительство во главе с генералом Халиловым. Ему же было поручено «достичь с Деникиным в соответствии с линией, согласованной с англичанами, необходимое соглашение» (Г. Бринкли).

Для Бахауддина было ясно, что Британия с Деникиным плетут интригу и не желают уступать власти на Северном Кавказе даже самому Господу. Эту же интригу легко разгадал и шейх Узун-хаджи. (Он разыграл ссору с Н. Гоцинским и они разошлись «по разным станам». На самом же деле они поделили двух врагов с тем, чтобы в конце концов добить обоих: Узун-хаджи с «красным шайтаном» бил «шайтана белого», а Нажмуддин – наоборот.

Так или иначе, Б. Хурш понимал, что воевать с большевизмом – главным врагом свободы горцев – здесь, в Дагестане, бессмысленно. Надо разорить их гнездовье с тем, чтобы не дать расползтись по миру этой «красной чесотке».

...Б. Хурш вместе с эвакуируемым турецким корпусом отбывает в Константинополь и некоторое время живет там с женой Зумрут (сестрой Тату Булач) с которой незадолго до этого заключили брак. Бахауддин всегда ловил себя на мысли, что их союз напоминает союз Дантеса с сестрой Натали, но он нервно отгонял от себя эту навязчивую мысль.

В Константинополе в то время находилась и Тату Булач в качестве сотрудницы дипломатического представительства Российской Федерации. Они часто встречались. Тату рассказывала им о событиях на родине, о победе большевиков. (Впоследствии Тату Булач была отозвана из Стамбула «за связь с белоэмигрантом Б. Хуршиловым»).

В Стамбуле по просьбе своего однокашника, польского генерала Вишневецкого, занимался формированием добровольческих отрядов из числа северокавказских эмигрантов для переброски в Польшу, которая готовилась к войне с большевистской Россией.

И вот Татарский Уланский полк имени Мустафы Ахматовича (226 рядовых и 6 офицеров) в составе Польской Армии и вступает в 1919-1920 годах в борьбу с общим врагом – российским колониализмом, выступающим на сей раз под маской большевизма.

Бахауддину живо вспомнились рассказы деда о смелых полонезах, сосланных на Кавказ за восстание против России, но перебежавших на сторону горцев.

На Кавказскую линию тогда было брошено 10.000. поляков. Как пишет историк Ежи Енджеевич: «Большинство поляков служило в полках, оккупировавших Дагестан и Черкессию. Именно там кипела острая борьба. Им не раз должна была приходиться в голову мысль о сходстве судеб Польши и Кавказа, пока то у одного, то другого не зарождалась мысль бежать к этим рыцарям свободы и биться плечом к плечу с ними против общего врага (...) Сам французский консул в Трапезунде 10 марта 1844 года рапортовал своему правительству; «почетная гвардия Шамиля состоит из 400 польских всадников, заклятых врагов России, сопровождающих вожда во всех походах»*. Далее Е. Енджеевич называет десятки поляков, овевших свои имена славой борцов за человеческое достоинство.

Доблесть же, проявленную татарским Уланским полком, восхищенно описал Бахауддин Хурш в своей «Страничке из недавнего прошлого» под псевдонимом Эмир Хассан:

«Еще не успешные привести себя в порядок, покрытые кровью и пылью, куначились польские уланы с кавказскими горцами – радость совместной победы еще более сблизила близких по крови и духу героев.

Скрежещущий, как сталь, польский язык переплетался с выстрельным говором горцев. Все делятся своими впечатлениями – ведь ими только что разгромлен один из лучших кавалерийских корпусов Красной Армии. Под

* Ежи Енджеевич. «Три странички из истории Кавказа». PIW 1971 г.

сенью Белого орла горцы получили еще раз возможность торжествовать над своим извечным врагом. (...) В братском согласии едут уланы Мустафы Ахматовича к новой славе, к новым победам, веря в прекрасное утро, которое осенит и вершины седовласого Кавказа.»**

Кавказцы готовы были биться до последнего, но неожиданно для них 13 ноября 1920 года в Риге начались переговоры об окончательном мире с Польшей. Российская сторона указала на то, что за время перемирия настроение польского общества изменилось в неблагоприятную сторону для Советской России. Представитель польской делегации Домбовский, отвечая на замечания, заявил, что польское общество считает войну с Россией законченной. Польша обязалась произвести незамедлительный отвод своих войск и закончить его к 19 ноября.

Для Б. Хурша, который к тому времени был уже полковником генштаба Войска Польского, это было полной неожиданностью. «Опять – политика!»

Для него, как для человека военного, не существовало такого понятия, как «политическая победа». Враг может быть побежден только физически. Пока будут признаваться всякие «политические поражения» на основании которых потом заключаются перемирия, войны будут вспыхивать вновь и вновь.

Кавказская эмиграция не сидела сложа руки. Издавала книги и журналы, брошюры и газеты, созывала съезды и конференции партий и обществ. О том, какой важной была эта работа, свидетельствует хотя бы следующая Нота правительства СССР, которая была вручена полпредом Богомолым в МИД Польши в мае-июне 1929 года.

Богомолов заявлял «польскому министерству иностранных дел протест против участия польских офицеров в собрании грузинской эмиграции по случаю десятилетия меньшевистской Грузии, а также против кампании польской печати за отторжение Грузии от СССР». Не секрет, что среди польских офицеров были и такие, как Бахауддин Хурш, а под «польской печатью» подразумевалась эмигрантская пресса кавказцев.

... «Прекрасное утро», в ожидании которого сражался Б. Хурш, на Кавказе не наступало, напротив, над ним сгушалась Полярная Ночь Большевизма.

Начались репрессии против родственников в Дагестане.

6. ОН ПОДРАЖАЛ ПРОРОКУ ИССЕ

«Отец был прав, когда писал Махачу. Он оказался прозорливее меня. Он предчувствовал победу большевизма в Дагестане, и потому, вероятно, заботясь о судьбе младших сыновей, делал вид, что сочувствует большевикам. Хорошо, что, уезжая, я передал это письмо Бутаю – единственному человеку, которому я доверял из родственников. Письмо, которое когда-то могло стоять жизни

** Эмир Хассан. «Страничка из недавнего прошлого». Журнал «Горцы Кавказа», 50, стр. 26, 1934 г.

отцу, и братьям». – Так мучительно, то вина себя, то ища оправданий, из ночи в ночь думал Бахауддин.

Увы, жизнь младшего из близнецов – Ахмеда – спасти не удалось. А. Хуршилов служил политработником 13-й Дагестанской дивизии. С 1920 года – член РКП (б), но комиссией по очистке партии «за классовое происхождение» был исключен. Тогда же был посажен в тюрьму и Магомед. Но когда оба опальных брата «отказались» от Бахауддина, их миловали: Ахмеда вновь приняли в партию и даже сделали инструктором райкома партии, а Магомеда стали прославлять как писателя и драматурга. К тому времени он успел написать брошюру «Физиономия врага» (хотя сам он вряд ли точно мог назвать истинного своего врага.)

Однажды Магомед сидел за письменным столом. Из приоткрытой двери выглянул Ахмед и сказал: «Прощай». Магомед не успел ни сообразить, ни ответить, как в соседней комнате грянул выстрел...

Никто не мог объяснить причину самоубийства. Вроде, все шло гладко. Но Бахауддин за тысячи километров от дома чувствовал: не выдержал Ахмед борьбы с собственной совестью.

Всю жизнь он жалел брата, а когда у него родился сын, он назвал его Ахмедом.

«Но почему, почему в Дагестане победил большевизм?» – ища ответ на этот вопрос, Бахауддин стал докапываться до этноисторических корней этого социального явления.

В Кавказской войне погибли лучшие из достойнейших. На Гунибе, ограбленный своими же, уставшими воевать земляками, Шамиль сказал Бяргинскому: «Народы мои изменили мне». Дагестан был замирен. Царское правительство щедро одаривало развенчанных в свое время Шамилем ханов и беков, восстанавливало их в званиях и должностях, возвращало земли и деревни, одаривало новыми чинами и наградами. Снова появилась привелегированная прослойка, богатевшая за счет бедноты. Ситуация стала повторяться как при Гази-Мухаммеде и Шамиле. И вот вспыхнул широченным восстанием 1877 год. Жесточайшая, невиданная дотоле расправа над горцами: десятки тысяч расстрелянных и повешенных, сотни сожженных аулов, массовые ссылки в Сибирь, мор и измывательства. Не только духовный, но и физический потенциал народа был исчерпан, и к началу Русской революции Дагестан, считал Бахауддин, выполнил свою историческую миссию, спасая от российской экспансии мусульманский Восток. Попытка восстановить горскую конфедеративность не нашла поддержки в народе. Обличительно – клеветническая бульварная пропаганда большевиков оказалась гипнотичнее продуманных воззваний национальной интеллигенции. Впрочем, так было всегда: в Дагестане никогда не ценились идеи и идеалы, если за ними не стояла угрожающая сила.

«Нефтепромышленник Чермоев не даст вам и каплю своей нефти, зато прольет за нее море вашей крови!»

«Конезаводчик Коцев печется только о рождаемости своих скакунов, нисколько не задумываясь над числом гибнущих людей!»

«Турецкий шпион Гайдар Баммат хранит свои деньги в швейцарских банках!»

«Князь Тарковский мечтает стать падишахом!»

«Мы – большевики – против самодержавия! Мы свергли нашего общего врага – русского царя. Если вы почитаете святое имя Шамиля, гоните всех богачей и офицеров. Мы идем к вам на помощь!»

И народ поверил, чтобы восстать в последний раз, тем более, что против Добровольческой Армии его повели шейхи Узун-хаджи и Алихаджи. Что касается Н. Гоцинского, то большевики сразу же напомнили горцам: «Он сын изменника. Какой он имам? Видите, он заодно с белыми!»

Так в Дагестан явился призрак долгожданной свободы под загадочным именем «АВТОНОМИЯ!» Ее привез горцам Сталин. Святая простота, не понимая, что это такое (понимающих к тому времени почти не осталось), испытывала чувство бесконечной признательности к большевикам. «Империи больше нет, и вы не колония. Вы – автономия. Что это значит? Это значит, что любой из вас теперь может быть избран аж во ВЦИК, а вот Индия – колония Англии, но ни один индус никогда не будет избран в Британский парламент.»

Итак, Дагестан выжил («из ума» – добавлял Бахауддин). За автономией последовала волна репрессий, уничтожались случайные свидетели и государственные деятели, ученые-исламисты и интеллигенты, воспитанные на русской и европейской культурах, уничтожались говорящие («за пропаганду») и молчащие («за недонесение»).

... Бахауддин уехал из Дагестана, чтобы не проливать кровь единоверцев. Но кровь все же пролилась. Застрелился Ахмед, и вот – новое известие: расстрелян зять Бутай.

«Ах, несчастный Бутай! Скольких ты спас от смерти. Как ты меня понимал, как ты мне помогал и словом, и делом! И вот тебя расстреляли из-за меня...» – Бахауддин не находил себе места. Он боялся, что НКВД один за другим истребит всех его ближайших родственников.

Бутай был ученым-арабистом и народным лекарем. Даже немножечко больше, чем лекарем. Он подражал пророку Иссе. К его слову прислушивались и он старался принести душевное облегчение. Он предостерегал людей от необдуманных действий, призывал их к благоразумию. Но для фарисеев добродетель – есть преступление. И вот 29 марта 1937 года за ним пришли из НКВД.

Из справки НКВД

в отношении Алиева Бутая, уроженца с. Согратль, 1877 г.р.
ученого-арабиста, врача-самоучки.

«Арестован органами НКВД 29 марта 1937 г, по обвинению в шпионской разведывательной деятельности в пользу Турции, предъявлено обвинение по статье 58, §6 УК РСФСР.

В 1918-19 гг. встречался с руководителем разведки турецких войск в Дагестане Исмаилом-хакки Беркоком*, на собраниях в селе выступал в защиту турецких войск и призывал оказывать им помощь, был одним из организаторов сопротивления против проникновения казачества в горы.

В период гражданской войны 1920-21 гг. объявил себя противником войны, открыто заявил об этом на сходе. Потом уехал из села и до конца войны проживал в сел. Бетельди Тляротинского района. После установления Советской власти выступал против колхозов... Был против Всеобуча. Выступал против закрытия мечети. В декабре 1937 года заседанием тройки предъявлено обвинение в разведывательной деятельности в пользу иностранного государства, а также агитации и пропаганды против Советской власти и приговорен к расстрелу.

22 июня 1938 года приговор приведен в исполнение».

Из протокола допроса Бутая Алиева

В о п р о с: – На вопрос, поставленный Вам следствием, имеете ли Вы переписку с родственником Вашей жены Хуршиловым Бахаудином вы ответили, что нет, не имеете. Из какого же источника Вам известно его нахождение в г. Варшаве?

О т в е т: – Нахождение Хуршилова Бахаудина в г. Варшаве мне известно со слов Тажутдина Абдуллаева, который примерно 17 лет назад получил письмо от Хуршилова Бахаудина из г. Варшавы. Тажутдин Абдуллаев приходится Бахаудину двоюродным братом.

В о п р о с: – Содержание этого письма?

О т в е т: – Я сам письмо, полученное Тажутдином Абдуллаевым от Бахаудина, не читал. Со слов его мне известно, что в письме писалось о состоянии здоровья и условиях жизни Бахаудина. Он писал: «Жив-здоров.»

В о п р о с: – Что еще было написано в письме и на каком языке было написано письмо?

О т в е т: – Что было написано в письме еще, я не помню. Письмо было написано на аварском языке.

В о п р о с:– Имели ли Вы, или Ваша жена – родная сестра Бахаудина Хуршилова, переписку с ним, Бахаудином Хуршиловым?

*Примечание** Исмаил-хакки Беркок. Один из самых активных офицеров, принимавших деятельное участие в создании независимого северокавказского государства. Был организатором и руководителем сражавшихся на Северном Кавказе и в Азербайджане «Исламской армии» и Северокавказского Войска.

О т в е т: – До революции три брата Хуршиловы жили в Буйнакске, я с ними как с родственниками, тоже не имел переписки. Позднее, с восстановлением Советской власти я с Хуршиловым никакой переписки не имел.

В о п р о с: – Следствие располагает точными данными, что Вы с уходом Бахауддина Хуршилова за границу имели с ним переписку. Следствие требует правдивых показаний?

О т в е т: – Утверждаю, что с восстановлением Советской власти в Дагестане я с Хуршиловым Бахаудином абсолютно никакой переписки не имел. Что же касается переписки жены, то ничего утверждать не могу, возможно, она и имела с братом переписку, но об этой ее переписке мне лично ничего не известно.

В о п р о с: – В каком году, при каких обстоятельствах Хуршилов Бахауддин бежал за границу?

О т в е т: – Каким образом Хуршилов Бахауддин бежал за границу – не знаю, я слышал разговор среди населения, что он, Хуршилов, находится в Польше, в г. Варшаве.

В о п р о с: – Переписку с Хуршиловым Вы и Ваша жена имете?

О т в е т: – Нет.

В о п р о с: – При обыске у Вас обнаружена записка Вашей жены, которая кого-то просит присылать письма от Хуршилова Бахауддина ей по мере поступления. Когда и кому Ваша жена писала эту записку?

О т в е т: – Об этом я ничего не могу сказать, так как не знаю.

В о п р о с: – Кто из родственников Хуршилова Бахауддина имеет с ним переписку?

О т в е т: – Об этом мне ничего не известно.

В о п р о с: – Следствие Вам предъявляет письмо, исходящее от Вашей жены на Ваше имя, в котором она обращалась к Вам с просьбой сообщить о судьбе ее брата Бахауддина и прислать ей письмо, полученное от него после выезда за границу.

О т в е т: – Письмо, предъявленное мне, следствием, написано было до революции, когда я находился в г. Буйнакске на квартире Бахауддина Хуршилова в момент его нахождения в г. Москве в военной школе в 1914-15 годах.

В о п р о с: – Следствию Вы даете не убедительный ответ в отношении письма. Предъявляемое Вам письмо было написано после выезда Бахауддина Хуршилова за границу, а не в момент его нахождения в г. Москве в военной школе. Следствие требует правдивых по этому вопросу показаний.

О т в е т: – Другого объяснения в отношении письма, исходящего от моей жены, дать не могу.

... Завербован я не был. Не отрицаю того, что я по поручению турка Магомед-эфенди занял обязанности врача и публично высказывался за поддержку турков и объединение с ними для борьбы против казаков.

Приписка на протоколе: Приговор приведен в исполнение».

...Итак, Бахаутдин узнал по своим каналам, что Бутай расстрелян. В другой дополнительной информации и подробностях он не нуждался, потому что был уверен: Бутай не выдал никаких известных ему подробностей о Бахауддине и его соратниках. Ведь он подражал пророку Иссе.

7. В ПЛЕНУ ВРАГОВ, В ПЛЕНУ ИЛЛЮЗИЙ...

Двое военнопленных-красноармейцев окапывали деревья в лазарете немецкого лагеря «Харол». Мимо проходил офицер Вермахта в сопровождении угрюмого человека в штатском. Заслышав аварскую речь военнопленных, последний остановился и прислушался.

– Ах, мать его! – Чего он уши развесил? – выругался Абдулла Шейхалов.

Человек в штатском резко, по-военному развернулся на каблуках и быстро пошел по аллее.

– Такое впечатление, что он по-аварски понимает, – удивленно посмотрел вослед Исмаил.

Поводов для таких предположений было предостаточно: в генерал-губернаторстве Польши было размещено огромное количество лагерей для военнопленных красноармейцев. Еще до нападения на СССР представитель нацистской партийной канцелярии генерал-лейтенант Гергот получил задание оборудовать четыре пересыльных лагеря, которые, впоследствии должны перебрасываться на территорию рейха.

– Все коменданты получили инструкцию: «Следует рассчитывать на коварное поведение, особенно военнопленных азиатского происхождения, поэтому нужны решительные и энергичные действия при малейших признаках неповиновения.»

Представители северокавказской эмиграции, действовавшие через «Красный Крест», зная о существовании этой и подобных инструкций и помня о своенравном характере земляков, желали спасти их от смерти и часто навещали в лагеря, чтобы призвать к терпению – «сабур». Приходили известные политэмигранты Гайдар Баммат, Вассан-Гирай Джабаги, художник Халилбек Мусаясул с супругой и другие. Впоследствии это назовут в СССР «фашистской пропагандой». Чаще всего политэмигранты уговаривали земляков записаться в северокавказский легион, чтобы выбраться из лагеря, а потом оставляли их при своих домах в качестве прислуги или определяли на другую работу, ибо возвращение на родину грозило им расстрелом.

Впрочем, среди пленных были и такие, которые в подобной пропаганде не нуждались и сами записывались в северокавказский легион, призывали к этому товарищей и даже сравнивали войну с фашисткой Германией со священной войной – «газаватом».

У некоторых пленных был геббельсовский пропагандистский пропуск с воззванием «К народам Кавказа» на кумыкском языке, в котором подробно

описывались готовящиеся зверства большевиков против народов Кавказа и против пленных. Под воззванием был отпечатан корешок пропуска:

«Действителен до конца войны для неограниченного числа бойцов, командиров и политработников Красной Армии. С перешедшими добровольно, по новому приказу Гитлера, обращаемся особо хорошо. Они получают специальное удостоверение. Германское командование не публикует списков военнопленных. Желающих работать мы устраиваем по специальности.»

Танкист Абдулла Шейхалов, награжденный восемнадцатью боевыми орденами и медалями, представленный к званию Героя Советского Союза, был тяжело ранен и очнулся в немецком лазарете. Там было несколько дагестанцев, у которых он и увидел пропуск с воззванием. Но о переходе в северокавказский легион он и не помышлял. Едва оправившись от ранения, он вызвался помогать комендатуре с тем, чтобы осмотреть территорию лагеря и его окрестности и выстроить план побега, который у него почти созрел. Вечером того же дня за ним в палату пришли конвоиры. Очевидно, на «политобработку» – решил Абдулла.

Его ввели в комнату, где сидел тот самый, в штатском.

– Фамилия? – по-русски спросил он.

– Шейхалов Абдулла.

– Откуда родом?

– Из Дагестана. Уроженец Согратля.

– Как поживает твоя тетя Джавгарат? – неожиданно улыбнулся незнакомец.

– Она в ссылке.

– А отец и дядья расстреляны большевиками?!

Подавленный Абдулла промолчал, так как это был не вопрос.

– И за кого же ты воюешь? – продолжал незнакомец, – за палачей своих близких родственников? За угнетателей своего народа?

– Кто Вы такой, чтобы задавать мне эти вопросы?! – не сдержал возмущения Абдулла.

– Я твой двоюродный дядя! – по-аварски тихо произнес незнакомец.

– Бахауддин? – также тихо вырвалось у Абдуллы. Он никогда его не видел, хотя много слышал о нем. – Но разве ты служишь у немцев?

– Нет. До начала войны я был полковником Генерального штаба Польской Армии. После бомбардировки Варшавы так же, как и ты, попал в плен к немцам. Правда, ты находишься в двойном плену: ко всему прочему – ты еще и в плену своих иллюзий относительно большевиков. Ну так вот. Когда Польша перестала существовать как международное правовое лицо, освобожденные польские пленные потеряли всякую защиту и в соответствии с Женевской Конвенцией о военнопленных были вынуждены заключать всякие договоры, то есть становились бесправными рабами случая. Но мне повезло. Наш земляк-эмигрант Асламбек, используя свои связи в Восточном

Министерстве, освободил меня и привлек к работе нашего северокавказского комитета. Центр его – в Берлине, руководит им Ахмед-Наби Магома. Есть отделения в Праге, Мюнхене, Варшаве...

«Зачем он выдает всю эту секретную информацию? Чтобы мне некуда было деваться и я пошел за ним?» – встревожился Абдулла.

– Мы занимаемся судьбой наших земляков, – продолжал Бахауддин.

– Вербуете их в северокавказский легион? – не без иронии произнес Абдулла.

– Нет, стараемся спасти Вас от сталинских лагерей и расстрелов.

– А от позорного клейма предателя вы тоже спасаете? – Абдулла уже заметно нервничал.

– О каком предательстве ты говоришь. Абдулла? – спокойно отпарировал Бахауддин, – кого ты предаешь? тех, кто сжигал наши аулы, тех, кто забавы ради расстреливал из пушек небооруженных людей, детей и женщин? Тех, кто насиловал малолетних и вырезал ученых? Тех, кто в мечетях и на святынях устраивал отхожие места?..

– И это говорит мне бывший полковник царской Армии! – подковырнул Абдулла, – извини, Бахауддин, все это я читал в разных листовках и слышал от других пропагандистов. Я не хочу продолжать этот разговор!..

Абдулла ожидал в ответ чего угодно, но только не этой фразы, произнесенной Бахаудином, как глубокий шумный вздох:

– Если бы ты знал, как я тебе завидую...

Он так никогда не мог понять смысла и значения этих слов. Все это не вышло с биографией Бахауддина. Но кроме биографии у человека есть еще и судьба, и между ними – такая же разница, как между человеком и его тенью.

– Вот что! – Бахауддин решительно встал, быстро приложил палец к губам и указал на потолок и стены: «нас прослушивают», – я думаю, мы с тобой найдем общий язык. С комендантом я договорился. Ты будешь жить у меня в Варшаве. Садовником моим будешь. Завтра за тобой приедут. А пока ни обо мне, ни о нашем разговоре никому ни слова.

...Абдулла Шейхалов был моим двоюродным дядей. О своей встрече с Бахаудином он никогда никому не рассказывал. Только однажды, расстрогавшись, в двух словах поведал моей бабушке Джавгарат Шейхаловой о диалоге, который я воспроизвел выше.

Летом 1992 года я созвонился с А. Шейхаловым и, ссылаясь, что теперь о военнопленных писать разрешено, попросил рассказать его о Бахауддине подробнее.

– Хорошо, я расскажу тебе, как он организовал мне побег.

Через два дня Абдуллы Шейхалова не стало... Он унес эту тайну с собой.

Как сложилась судьба Б. Хурша дальше, думаю, известно только спецслужбам разных стран. Последний явный след его я обнаружил в статье упомянутого Асламбека «Выдача горцев Кавказа», опубликованной в

парижском журнале «Часовой». Воспроизведу этот последний штрих к портрету противоречивой, драматичной и загадочной личности:

«...Вечером комендант заявил нам, что прибыл советский офицер, который сообщил ему, что должны быть выданы все и указал фамилии мою и еще нескольких офицеров. На это комендант ответил, что «эти кавказцы – польские офицеры, и что если он еще явится, то будет арестован и отправлен в штаб польского корпуса, которого советчики очень боялись. Этот 2-й Польский корпус генерала Андерса формировался в Туркестане из пленных поляков, захваченных в 1939 году, много претерпевших в Советском Союзе и питавших к советчикам страшную ненависть. 8 июля за нами прибыл польский майор и мы на его машине выехали в Италию, в Сан-Джордже, где находился польский штаб, начальник которого, генерал Вишневский был старым другом Бахауддина еще по Академии Генерального штаба. Он нас сердечно встретил...»

Муртазали Дугричилов.

Бахауддин ХУРШ

ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ В ДАГЕСТАНЕ В 1843 ГОДУ

ЧАСТЬ I

Посвящаю светлой памяти
борцов за независимость горцев
– Иمامу Нажмуддину и Узун-Хаджи.

СОБЫТИЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ОПЕРАЦИИ

Мы уже описали в свое время развитие военных действий в начале сороковых годов в Запад. Кавказе (см. «Г.К», N 27)*. На востоке, в Дагестане и Чечне, военные действия характеризовались в этот период с тем же чрезвычайным напряжением. В

* «Горцы Кавказа» – эмигрантский журнал.

** В тексте сохранена авторская топонимическая транскрипция.

1942 году, в сентябре, противнику были нанесены, почти одновременно, два мощных удара: 1 – в окончившийся погромом русских и временных занятием Кумуха, что в свою очередь вызвало волнения в Акушетии и Табасарани; 2 – в Чечне, где нашими частями руководил Шуаиб-Мулла и где в Ичкерийских лесах были разгромлены главные силы неприятеля под начальством генерала графа Граббе. Неприятельский историк оценивает это свое поражение следующим образом: «Поражение, понесенное этим генералом в Ичкерийском лесу, навсегда останется одним из начальных эпизодов долголетней кавказской войны, ужасным даже в рассказах». Наш же историк, Магомет-Тагир Карахский, говорит об этом событии следующее: «Недалеко от Гульдара русские пришли в полное замешательство и повернули назад. Ими овладела паника. Они обратились в бегство, бежали они в беспорядке, бросив на добычу мюридам раненых и отсталых, огнестрельные припасы, обоз и много имущества». Последствием этого разгрома было освобождение плоскости.

Обе эти диверсии были проведены Имамом для отвлечения внимания неприятеля от нагорного Дагестана, а главное для того, чтобы на ближайшее время лишить его возможности действовать со стороны Хунзахского плато и Койсубулинского общества. (Неприятель ошибочно называет это Аварией, тогда как Авария в действительности занимает более обширное пространство и состоит из 3 округов: Гунибского, Аварского или Хунзахского и придерживается русского термина – Х.)

Так закончилась кампания 1842 года, принеся новые лавры нашему оружию и дезорганизовавшая, отчасти, планы неприятеля, ибо наши починания опередили предполагаемые им действия.

Для того, чтобы уяснить – значение последующих событий, необходимо остановиться более подробно на той роли, какую выполняла или могла выполнять занятая русскими гарнизонами Авария. Занимая центральное положение, между реками Аварским и Андийским Койсу, она отделяла Чечню и Андию от остального нагорного Дагестана. На сравнительно небольшой территории округа неприятель воздвигнул 7 крепостей и укреплений, сообщение с которыми проводилось по двум магистралям, в свою очередь охраняемым 5 укреплениями. Неприятель методически укреплялся в Аварии, стремясь создать из нее мощную базу для будущих решительных действий против нас. Военный гений Имама Шамиля учитывал значение аварского клина русских укреплений, которые являлись для нас всегда препятствием в развертывании боевых операций в широком масштабе.

Поэтому-то, пользуясь одержанными в кампании 1842 г. успехами, Имам решил покончить с Аварией.

ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН

Положение сторон к началу 1843 года представлялось в следующем виде:

Наши регулярные части, опираясь, как на исходную базу, на укрепления – Дарго, Карата, Ириб, Телетль, Гуниб, Карадах и Салты, были собраны в следующие группы: 1 – в Чечне, под командой Ахвердиль-Магомы, 450 чел. пех. и 500 чел. кав. при двух орудиях; 2 – на кумыкской линии, под командой Шуаиб-Муллы, 250 чел. пех. и 450 чел. кав. при 1 орудии; 3 – в Аварии, под командой Хаджи-Мурата, 500 чел. пех. и 500 чел. кав. при 2 орудиях; 4 – в Андалах (в направлении Кумуха), под командой Муртазали Телетлинского, 200 чел. пех. и 300 чел. кав. при 1 орудии; 5 – в Аннухе и Тлейсерухе (в направлении Джаро-Белоканы и Кахетии), под командой Нур-Магомета Согратлинского, 200 чел. пех. и 100 чел. кав.; 6 – в Карадахе (общий резерв), под командой Кибит-Магомы, 500 чел. пех. и 1000 чел. кав. при 2 орудиях; 7 – непосредственно при Имаме в его резиденции находилось 500 кон. муртазексов при 2 орудиях.

Таким образом, регулярные силы Имама Шамиля перед началом операции 1843 г. состояли из 2100 чел. пех., 2850 чел. кав., 500 муртузексов и 10 орудий.

Передовая линия укреплений, на которую неприятель опирался, как на исходный пункт, состояла из следующих крепостей (без укреплений, расположенных в Аварии): Грозная, Герзель-Аул, Внезапная, Султан Янги Юрт, Чир-Юрт, Миатлы, Чиркей Гимры, Бурундук-кала, Балаханы, Зыраны, Гергебиль, Кумух, Кусур, Закаталы, Белоканы, Кварели и Шильда. Кроме этого гарнизоны, сосредоточенные следующим образом:

1 – Кумыкский отряд, в распоряжении командующего левым флангом ген. Фрейтага, в составе: 2-х бат. Курина п., 2-х бат. Вольнского п., 2-х бат. Кабардинского п., команды сапер в 50 чел., 14 полевых и 2 горных орудия, 8 сот. казаков и 50 чел. милиции. Штаб-квартира отряда – Амир-Аджи-Юрт. Кроме этого, в распоряжении ген. Фрейтага находились 1 бат., Туринского п. и 2 кон. орудия в Старом-Юрте. Всего – 7 бат., 8 сот. казаков, 50 чел. сапер, 50 чел. милиции и 18 орудий. Отряд должен был противодействовать силам Ахвердиль-Магомы и Шуаиб-Муллы и угрожать в направлении Дарго.

2 – Дагестанский отряд, в распоряжении командующего в сев. и нагорном Дагестане ген. Клюке фон Клюгенау, в составе: 2-х бат. Апшеронского п., 1 бат. Тифлисского и., 1 бат. Мигрельского п., 1 бат. Кабардинского п., 100 чел. сапер, 3 сот. казаков, 150 чел. милиции, 4 легких и 8 горных орудий. Всего – 5 бат., 100 чел. сапер; 3 сот. казаков, 150 чел. милиции и 12 орудий. Штаб-квартира – Темир-Хан-Шура. Главное назначение отряда – действия в Аварии; в зависимости же от обстановки, отряд мог действовать и на кумыкской линии и в направлении Акуша – Салты.

3 – Самурский отряд, в распоряжении командующего в южном Дагестане ген. кн. Аргутинского, в составе: 4-х бат. Варшавского п., 1 бат. Тифлисского п., 50 чел. сапер, 2 сот. казаков, 400 чел. кон. милиции, 8 легких и 6 горных орудий. Всего – 5 бат., 50 чел. сапер, 2 сот. казаков, 400 чел. милиции и 14 орудий. Штаб-квартира – Кумух. Назначение отряда – противодействие нашему вторжению в ханство Кумухское и общество Акуша; в случае боевых действий в Аварии немедленно подать помощь ударом в направлении Карадахского моста.

4 – Лезгинский отряд, в распоряжении командующего лезгинской линией и в Джаро-Белоканском округе ген. Шварца, в составе: 1 бат. Тифлисского п., 1 лин. бат., 2 рот. Эриванского п., 4 горн. орудий и 3 креп. ружей, 1 сот. казаков и 1 1/2 сот. кон. милиции. Кроме этого, предвиделись 10 сот. кон. милиции, которые должен был дать Даниэль-Бек Элисувский, а так же 10 сот. кахетинской милиции, которые так же, в случае надобности, должны были вступить в распоряжение ген. Шварца. Таким образом, Лезгинский отряд состоял – из 2 1/2 бат., 1 сот. казаков, 21 1/2 сот. кон. и пеш. милиции и 4 орудий. Штаб-квартира – Закалалы. Задача отряда – противодействовать вторжению неприятеля в Кахетию и в Джаро-Белоканской округ, а в случае боевых действий в Аварии или в направлении Кумуха, действовать в направлении Ириба в Тлейсерухе и препятствовать подаче помощи отсюда Шамилю.

Таким образом, подвижные силы, которыми располагало русское командование в Дагестане и в южной части Чечни, равнялись: 19 1/2 бат., 200 чел. сапер, 14 сот. казаков, 26 сот. пеш. и кон. милиции и 48 орудий. Исходя из расчета 700 чел. в батальоне, названные силы можно исчислять в 18 тысяч чел. при 48 орудиях. В это число не вошли гарнизоны расположенных в Дагестане и Чечне укреплений и крепостей. В результате, соотношений наших и неприятеля сил выражалось, как 1:3, а количество артиллерии, как 1:6. Как мы увидим далее, в процессе развития боевых действий, силы неприятеля возросли, ибо он ввел в дело новые части.

ПЛАН ОПЕРАЦИИ

Имам Шамиль сознавал, что малочисленность наших частей и недостаток в технических средствах (отсутствие достаточного количества артиллерии и т.п.) не позволяют ему приступить к непосредственным действиям в Аварии. В этом случае наше продвижение было бы задержано гарнизонами крепостей, расположенных в Аварии, что дало бы возможность Дагестанскому отряду подойти к ним на помощь из Темир-Хан Шуры, а Самурскому действовать в нашем тылу и фланге со стороны Кумуха. Иначе говоря, неприятель имел бы возможность под прикрытием своих укреплений сосредоточить в Аварии силы, превосходящие в несколько раз наши собственные силы, а также угрожать нашему тылу и флангу со стороны Кумуха. В результате, мы сами могли очутиться в безвыходном положении.

Исходя из этого, Имам решил ввести противника в заблуждение, с целью отвлечь его внимание от Аварии и этим облегчить здесь нанесение главного удар. Для этого он, в глубокой тайне даже от самых близких своих сотрудников, выработал следующий план действия:

1 – Главные силы пехоты сосредоточить в районе Ихали и Карадахского моста, а конницу в районе Дарго, произвести сильную демонстрацию на Кумыкскую плоскость и заставить неприятеля сосредоточить здесь возможно большее количество войск. Войска эти должны быть задержаны здесь активными действиями Ичкерийского, Гумбетовского и Салатавского ополчений, которые

должны оперировать в направлении Султан-Янги-Юрт – Низовое. Регулярная же конница должна быстрым маневром подойти под укрепление Унцукуль, куда одновременно должна прибыть пехота, сосредоточенная в Ихали и у Карадахского моста. Укрепление Унцукуль должно быть взято. По выполнении сего, главные силы молниеносным ударом должны обрушиться на Аварию и занять одно за другим ее укрепления. После занятия Аварии, население должно быть выселено, аулы сожжены, а укрепления срыты. Со стороны Кумуха действия эти должны прикрываться частями регул, кав. и ополчениями Андаляльским, Телетлинским и Куядинским.

2 – Не дожидаясь окончательной очистки Аварии от неприятеля, большая часть сил должна быть брошена в Шамхальские и Мехтулинские владения, с целью занять Темир-Хан-Шуру, являющуюся главной квартирой неприятеля в Дагестане.

Остановившись на этом решении, Шамиль приступил к его выполнению с присущей ему энергией. Для еще большей дезориентации неприятеля он сначала распустил слух, что готовится вторгнуться в Кахетию и Белоканы, затем вновь – слух о походе в Кайтаг и Нуху, в Кумыкскую плоскость и, наконец, о вторжении в Кабарду. Муртазеки* распространяли всюду эти противоречивые слухи и они вскоре доходили по назначению – становились известны русским. В подтверждении слухам, в продолжении весны и лета, несколько раз в различных пунктах собиралось ополчение. Были произведены также несколько демонстраций. Так, например, в марте месяце из Дылими под предводительством Уллу-бия-Муллы был произведен налет на Зубут и Ойсунгур; в апреле месяце под предводительством Хаджи-Мурата на Сиух и Ахалчи; в мае под начальством Ахвердиль-Магомы на В. Буртунай.

Все эти разноречивые слухи о сборах наших войск и намерениях командования, подкрепляемые налетами в разных направлениях, привели русское командование в совершенное недоумение и оно перестало разбираться в обстановке. Характерным есть то, что в момент наивысшего напряжения сборов, т.е. за несколько дней перед началом главной операции, командующий войсками в северном и нагорном Дагестане ген. Клюгенау рапортом от 16-го августа доносил корпусному командиру: «Скопища горцев Шамилем распущены; неприятель, по-видимому, не имеет намерения предпринимать военные действия». В рапорте же его от 23 августа о намерениях наших частей вообще ничего не говорилось.

В действительности же Имам заканчивал приготовления для нанесения решительного удара. Во второй половине августа, когда обыкновенно в Дагестане оканчиваются полевые работы, началась концентрация регулярных войск и ополчения в 3-х пунктах: 1 – в районе Дарго под командой Шуаиб-Муллы было сосредоточено 2400 чел. кав. (из их общего резерва), 250 чел. пех. и 3 орудия; 2 – в районе села Ихали под командой Хаджи-Мурата – 500 чел. пех. из общего резерва, 500 чел. пех. из Аварии и 1 орудие; 3 – у Карадахского моста под командой Кибит-Магомы регулярные, части, подчиненные до сего момента Муртазали и Нур-

* Многие иностранные авторы, преимущественно русские, ошибочно пишут о муртазеках, как о регулярной армии. Регулярную армию имама составляли мюриды; муртазеки же представляли из себя жандармерию и инструкторский кадр для народных ополчений. Подчинялись они непосредственно Иمامу.

Магомеду (оба эти военачальника остались на своих местах и приняли начальство над ополченскими частями) и составляющие 400 чел. кав. при 2 орудиях. Если мы к перечисленным регулярным частям прибавим части ополчения, то на всех линиях силы наши доходили до 9500 чел., из которых в операции могли быть использованы всего около 6500 чел. Как было упомянуто выше, концентрация и перегруппировка войск части были готовы для нанесения удара.

План действий, выработанный Имамом на ближайшие дни, был известен только ближайшим его сотрудникам (Кибит-Магоме, Хаджи-Мурату, Ахвердиль-Магоме и Шуаиб-Муллу) и представлялся в следующем виде: регулярные части, сосредоточенные в районе Дарго, под личным руководством Имама должны двинуться в район Дылима, где к ним должны присоединиться ополчения Ичкерийское, Гумбетовское и Салатавское. Отсюда производится сильная демонстрация на Кумыкскую плоскость, с целью притянуть сюда возможно большие силы неприятеля. По выявлении удачи маневра, на месте оставляется Шуаиб-Муллу с 1500 чел. конницы при 1 орудии, а Имам с главными силами с рассветом 26 августа форсированным маршем двигается в Аварию к укреплению Унцукуль, куда одновременно должны подойти Хаджи-Мурат из Ихали с своей пехотой и Кибит-Магома из Карадаха с 400 чел. пех. при 2 орудиях. Находившиеся под командой Кибит-Магомы 400 чел. кав. при 1 орудии должны оставаться в Карадахе под начальством Идрис-Хаджи. Одновременно с этим, Ахвердиль-Магома с имеющейся у него пехотой и Чеченским ополчением должен действовать в направлении кр. Грозной. Муртазали Телетлинский же, оставаясь в Андалаили, должен следить за действиями русских в Кумухе и, в случае обнаружения движения в сторону Аварии, должен, совместно с Идрис-Хаджи, задержать их на линии Телетль-Куяда. Задание Нур-Магомета Согратлинского остается без изменений.

О неприятеле Иمامу было известно следующее: ген. Фрейтаг имел под рукой около 3000 войск подвижного резерва, которые легко могли быть увеличены до 5000 человек. Ген. Клюгенау – около 4000 чел., которые также легко могли быть увеличены до 6000 человек. Ген. Аргутинский имел 5000 чел., которые могли быть увеличены до 6500 человек. Возможность участия в военных действиях ген. Шварца была сомнительной, однако, было известно, что в случае такого участия ген. Шварц мог сразу двинуть в дело до 3000 человек. Было известно также, что неприятель обладает многочисленной артиллерией и огромными запасами боевых припасов.

ХОД ОПЕРАЦИИ

23 августа Имам из Дылима, где были сосредоточены к вечеру 22 августа все силы, выслал Шуаиб-Муллу с Ичкерийским конным ополчением по направлению на Костек, а Уллубий-Муллу с Гумбетовским и Салатавским кон. ополчением по направлению Султан Янги Юрт. Оба наиба получили приказание уничтожить все,

что только удастся, и широко оповестить о предпринятом Имамом большом наступлении в этом направлении. Сам же Имам в тот же день обложил с трех сторон укрепление Внезапное и открыл по нем огонь из 2-х орудий. Задуманный Имамом демонстративный маневр удался в полном объеме. К рассвету 25 августа ополченские части Уллубий-Муллы были отброшены на левый берег р. Сулак неприятелем, наступавшим со стороны Кумтор-Калы. Русские ввели здесь в бой до 3000 чел. пех. и кав. и 5 орудий. Значительные силы неприятеля привлек на себя Шуаиб-Мулла и, недоходя до Костека, еще ночью 24 августа должен был начать отступление. Силы противника он оценивал в 2500 чел. при 4 орудиях. Наконец, демонстрация самого Имама у стен Внезапной также привлекла значительные силы противника. Вечером 25 августа сильная колонна неприятеля, доходящая до 3000 чел. с артиллерией, усилила гарнизон крепости. Как выяснилось потом, сюда прибыл сам ген. Фрейтаг.

Первая часть задачи была выполнена. Противник был введен в заблуждение и обстановка была выяснена. Имам приступил к выполнению второй, основной части задания. Вечером 25 августа он отошел за Дылим, взяв с собой 1500 чел. кав. и 1 орудие. Во главе же оставленных на Кумыкской плоскости частей (250 чел. пех., 800 чел. кав., 1350 чел. пеш. и кон. ополчения и 2 орудия) он поставил Шуаиб-Муллу, приказав ему искусственным маневрированием, избегая решительных боев, задержать неприятеля здесь на возможно больший срок, в особенности же части противника, пришедшие из Дагестана.

26 августа на рассвете Имам Шамиль во главе 1500 чел. конницы при 1 орудии выступил из сел. Дылима и 27-го перед рассветом подошел к укреплению Унцукуль, сметая по дороге небольшие команды неприятеля. Вот, что пишет неприятель об этом переходе: «27 августа Шамиль, через гору Мичикал и общество Гумбет, сделав переход в 70 верст менее чем в сутки, внезапно явился перед укреплением Унцукуль; в тот же день туда прибыли: Кибит-Магома из Телетля (Карадхского моста) и Хаджи Мурат из Аварии».

Таким образом, под укр. Унцукль и в ближайших окрестностях сосредоточилось под командою Имама регулярного войска – 1400 чел. пех. и 1500 чел. кав. при 3 орудиях и ополчения – 550 чел. пеш. под командой Муса-Хаджи и 475 чел. под командою Муса Гитинау. Всего – 2900 чел. регул. войск и 1025 чел. ополчения при 3 орудиях.

При лучах восходящего солнца на Унцукульских высотах войска были построены в боевой порядок. Перед фронтом выстроившихся мюридов Имам совершил намаз о даровании победы, после чего разъяснил важность предстоящей задачи и благословил всех на святое дело. Магомет-Тагир Карахский описывает этот момент так: «Перед атакой Унцукуля Имам приказал наibaм выстроить своих подчиненных в указанном им заранее порядке, для собеседования с ними о важности и серьезности предстоящих им подвигов. Воодушевил всех горячей проповедью и, благословив их на святое дело, он затем обратился к наibaм и указал каждому из них на его задачу и ответственность за ее выполнение».

Перед началом боевых действий против укрепления и аула и высланной из укрепления конной сотни, Имам предпринял меры, обеспечивавшие от всяких случайностей эти боевые действия. Им были высланы заслоны: к Балахским теснинам под командою Ибрагим-Хаджи Карахского (150 чел. кон. и 100 чел. пеш. ополчения); к Гимринскому мосту под командой Амир-Хана Чиркеевского (100 чел. кон. ополчения); в направлении укр. Зыраны, с выдвиганием конной заставы к укр. Моксоху, под командой Мусы Гитинау; в сторону Цатаных под командою Абакар-Хаджи (100 чел. пеш. ополчения). Сделав эти распоряжения, Имам приступил к отдаче приказаний, касающихся непосредственно осады и штурма Унцукуля. Он выделил для этой цели 1000 чел. пех., 500 чел. кав. и 350 чел. ополчения при 2 орудиях, назначив для командования этими силами Хаджи-Мурата. Кибит-Магома был назначен начальником резерва, который состоял из оставшихся 1000 чел. кав. и 400 чел. пех. при 1 орудии. Гарнизон укрепления и аула состоял из 1 роты пех., 1 сот. милиции и 3 орудий.

К вечеру части наши заняли указанные им места, причем одно орудие было направлено против укрепления, а второе против аула. На рассвете 23 августа началась перестрелка и к полудню пешее ополчение под командой Муса-Хаджи ворвалось в аул. Однако, убийственный перекрестный огонь заставил наши части оставить аул и отойти к близлежащим садам. День окончился небольшим инцидентом, который, однако, имел для дальнейших событий большие последствия: неприятель в количестве 50 чел. пех. и 150 чел. милиции вышел из соседнего Гимринского укрепления и, перейдя мост (т.н. Гимринский), пытался оказать помощь осажденным. Но лихой атакой Амир-Хана неприятель был опрокинут и в поспешном отступлении сжег за собой мост, лишив осажденный гарнизон пути отступления, а так же возможность получить помощь с этой стороны.

29 августа, когда наши части готовились к решительному штурму, произошел новый инцидент. Магомет-Тагир пишет об этом следующим образом: «Имам получил известие, что довольно сильный отряд русских, пройдя сел. Харачи, направляется на унцукульскую местность Михатль, с намерением выручить унцукульцев и свой гарнизон из беды. Кибит-Магома, охвативший быстрым и решительным движением русский отряд, уничтожил его совершенно. Из 600 бойцов спасся бегством только один». У неприятеля же мы встречаем такое освещение этого события: «Подполковник Веселитский, поставив орудия на высоте и открыв из них огонь, двинулся с батальоном в сады для овладения ими, но был отбит с большим уроном. В то же время толпы мюридов обошли войска с тыла и захватили два горных орудия. Весь отряд был опрокинут к Аварскому Койсу неприятелем, 10 обер-офицеров и 477 нижних чинов; спаслось лишь несколько человек из всего отряда вплавь через Койсу». Все это произошло на глазах у осажденного гарнизона и русских частей, расположенных на Харачинских высотах (подп. Пассек с 2 ротами). Против последних был двинут Ибрагим-Хаджи Карахский, но они, не приняв боя, отошли, очистив аул Харачи. Одновременно с этим тогда же, 29 августа, частями Мусы Гитинау у Шайтан-Керты были

уничтожены 2 сот. милиции подпоручика Гасана Хаджиява, спешившие из Араканы на помощь осажденным.

Взятые у неприятеля 2 орудия были обращены против аула и в тот же день к вечеру аул был взят штурмом. Часть защитников успела перебраться из него в укрепление, 30 же августа, после двукратного штурма сложил оружие и гарнизон укрепления; в наши руки попало 2 офицера, 47 нижних чинов и 3 орудия. Операция у Унцукуля стоила нам 180 чел. убитых и 350 чел. раненых. Жители аула были выселены, аул сожжен, а укрепление срыто.

После занятия Унцукуля Имам произвел перегруппировку своих частей. В ту же ночь он отправил Хаджи-Мурата с 500 конных при одном орудии под крепость Хунзах и укр. Ахалчи с тем, чтобы он отвлек внимание неприятеля от направления нашего главного удара – укр. Балаханы. Маневр этот, как мы увидим ниже, удался вполне. Одновременно с отправкой Хаджи-Мурата Имам выслал в распоряжение Муртазали Телетлинского 150 чел. конницы. Мера эта вызвана была сведениями о приготовлениях Самурского отряда к выступлению, которое, вероятнее всего, могло быть вызвано желанием оказать помощь русским гарнизонам в Аварии.

Между тем, 1 сентября обнаружилось наступление неприятеля на сел. Карачи. Неприятель двигался со стороны укр. Моксох и Балаханы и ввел в дело до 1000 чел. при трех горных орудиях (отряд майора Зайцева – 6 рот пех., 3 горн. орудия и 2 сотни Шамхальской милиции). Здесь нужно заметить, орудия и 2 сотни Харачи прибыл с 350 чел. пешего и 50 чел. конного ополчения Муса-Хаджи, которому была поручена оборона этого пункта в связи с предстоящим наступлением на Балаханы. Одновременно с этим Ибрахим-Хаджи Карахский со своим ополчением был переброшен к укреплению Зыраны, где и оставался в продолжении боев в Аварии. Муса Гитинау был оттянут к главным силам. Неприятель, подойдя к Харачи, произвел 2-х часовую артиллерийскую подготовку, а затем двинул свои колонны на взятие в шашки, и уже вскоре Муса-Хаджи, всегда мастерски ведущий уличные бои, вытеснил их из аула и обратил в бегство. Неприятель описывает этот случай так: «Первый натиск был быстр и удачен – мгновенно была занята внешняя каменная ограда. Майор Зайцев лично, со 2-ой гренадерской ротой ворвался в самый аул. Передние сабли были взяты штурмом и мюриды переколоты штыками. В это время неприятель бросился в шашки и опрокинул штурмовавшие колонны, 1-ая гренадерская рота (резерв) двинулась вперед для прикрытия отступающих, но скоро была опрокинута стремительно преследовавшими толпами мюридов. Преследование было быстрое и ожесточенное, но продолжалось только до половины подъема. Потеря наша была велика и состояла убитыми и ранеными: 1 штабс и 11 обер-офицеров и 179 нижних чинов». Муса-Хаджи в своих записках, особо подчеркивая этот эпизод, пишет: «Потери неприятеля доходили до 350 чел., одних пленных было 62 чел. Незначительность собственных сил помешала нам dokonать неприятеля».

2 сентября Имам с главными силами, опрокидывая неприятеля, загородившего ему путь на Харачинских высотах (отряд подп. Пассека, увеличившийся до 2 бат. пех., 4 сот. милиции и 4 орудий), двинулся к укр. Балаханы. Уже 3 сентября

укрепление было взято и скрыто, а наши трофеи: 6 офицеров, 175 нижних чинов, 2 орудия, 150 пуд. пороха и много интендантского материала.

С занятием укр. Балаханы Имам достиг двух целей: с одной стороны он перерезал кратчайшую и самую удобную магистраль, соединяющую Темир-Хан-Шуру с Аварией. В руках неприятеля оставалась ныне единственная и не так удобная дорога Гергебиль – Гоцатль. С другой стороны, ген. Клюгенау был как бы втиснут в Аварию, ибо он незадолго перед этим, пройдя Балаханы, направился через укрепление Моксох в укр. Цатаных. Вообще поведение этого генерала в описываемый период было весьма странным. Он давал бить свои войска частями и, имея численный перевес, избегал встречи с нашими главными силами. Защита же собственных укреплений как будто бы совершенно не входила в его задачу. Казалось, что этот генерал перестал верить себе и своим войскам и всячески отдалает момент неминуемой встречи с Шамилем, ожидая спасения извне.

Ген. Клюгенау выступил в Аварии 28 августа сейчас же после получения известия о вступлении туда Имама. Отряд его состоял из 3-х бат. пех., 2 сотен казаков и 14 сотен милиции при 6 горн и 4 легких орудиях. По дороге он присоединил к себе еще 1 бат. и 2 орудия. Дойдя до Балаханы, он без всякой причины задержался там, а затем, как мы отметили, направился через укр. Моксох к ук-репл. Цатаных. Русские источники указывают, что это было совершено им с целью подать помощь укр. Унцукуль. Однако, шаг этот не выдерживает никакой критики. Истратив на переход 2 дня, он почти не приблизился к Унцукулю. Вместе с тем, этот маневр стоил ему 1 1/2 бат. и 4 орудий, которые он выделил из состава отряда и которым, благодаря оставлению Балаханы, он не смог в нужде оказать поддержки. (Бат-он подп. Весе-литского, уничтоженный под Унцукулем и 2 роты с 2 сотн. милиции майора Коссовича, разбитые в Харачах). Наконец, оставляя Балаханы, он открыл свой тыл и позволил нам прервать кратчайший путь сообщения русских в Аварии с Темир-Хан-шурой. Этот промах русского генерала весьма помог нам в успешном завершении операции.

После занятия нами Балаханы и когда под укр. Ахалчих появился Хаджи-Мурат, ген. Клюгенау счел за лучшее отойти под прикрытие стен Хунзаха, предоставив, таким образом, Иمامу полную свободу действий.

Получив сведения об отходе главных сил неприятеля к Хунзаху, Имам решил идти на Моксох к Цатаных, оставив в Балаханах и против укр. Зыраны только что прибывшее Андийское ополчение (300 чел. пеших и 210 конных) под начальством наиба Лабазана. По занятию Цатаныха, Имам предполагал выделить под команду Кибит-Магомы 400 кон. и все пешее ополчение при 2 орудиях, которые должны были взять и скрыть укрепление Гоцатль. С оставшимися же силами, присоединив по дороге Каратинское пешее ополчение в 350 чел., Имам решил двигаться к Хунзаху. Силы, с которыми приступил Имам к выполнению этого плана, состояли из 1200 чел. регул, пехоты и 900 чел. кав., 740 чел. пеш. и 450 чел. кон. ополчения при 5 орудиях. Всего – 2100 чел. регул. войск, 1190 чел. ополчения и 5 орудий. В

тот же день без усилий было взято и скрыто укр. Моксох. В наши руки попало 2 офицера, 30 нижн. чинов и 1 орудие.

6 сентября наши силы подошли к укрепл. Цатаных. Взятие его представлялось особенно важным, ибо здесь находились большой артиллерийский парк и интендантский склад. Захват этого имущества имел огромное значение для успешного продолжения операции. В укреплении находились 2 роты пех. при 2 орудиях. В тот же день нами была построена батарея, установленные на которой 3 орудия приступили к обстрелу укрепления. К вечеру войска наши двинулись на штурм, но были отбиты. К ночи нами построена была еще одна батарея, так что 7 сентября с утра мы громили укрепление из всех 5 орудий. После артиллерийской подготовки был произведен второй штурм, в котором особенно деятельное участие принимало прибывшее на рассвете Карахское пешее ополчение. Второй штурм окончился взятием укрепления. Гарнизон был почти весь уничтожен и в наши руки попало всего 10 чел. пленных. Потери наши достигали 228 чел. убитыми и ранеными. Но тяжесть урона с избытком возмещалась богатейшей добычей, захваченной в укреплении.

8 сентября наши войска двинулись к Ахалчинскому укреплению, выделяя из себя по дороге, согласно плану, Кибит-Магому во главе 400 чел. кон. и 750 чел. пеш. ополчения (Муса-Хаджи) при 2 орудиях для занятия укр. Гоцатль. Выделение таких значительных сил для этой операции объяснялось тем, что с занятием Гоцатля прерывалась всякая связь Аварии с Темир-Хан-Шурой.

В тот же день укрепление Ахалчих сдалось нам без сопротивления. Трофеи наши – 2 офицера, 97 нижних чинов и 1 орудие. В Ахалчихе Имам связался с частями Хаджи-Мурата, который уже имел в своих рядах, помимо 500 чел. кав., 450 чел. пеш. и 275 чел. кон. Аварского ополчения.

Интересно проследить действия Хаджи-Мурата до подхода наших главных сил, заставившие ген. Клюгенау отойти к Хунзаху и ограничиться обороной этой крепости и примыкающего к ней аула.

Хаджи-Мурат выступает 2 сентября из аула Танус, занимает аул Сиух и появляется под укр. Ахалчих. Один этот маневр заставляет ген. Клюгенау перейти из Цатаныха в Хунзах для обороны последней. 3 сентября Хаджи-Мурат оставил под укр. Цатаных, которое в этот момент оборонялось довольно сильным отрядом неприятеля (бат. Апшеронского п. и рота Тифлисского п. при 2 орудиях под командой майора Познанского), 200 чел. регул. кон. и 150 пеш. охотников из сел. Сиух под командой Дылимского наиба Шах-Мирзы, с остальными 300 чел. кав. при 1 орудии перешел в Сиух с тем, чтобы отсюда ударить на сел. Ободу, которое в свою очередь было занято иным отрядом русских (сводногерский бат., сводная рота сапер и 4 горн. орудия под командой подполк. Гроттенфельда). Вечером 5 сентября Хаджи-Мурат, совместно с жителями сел. Ободы, атаковал неприятеля и выбил его из аула. Добить неприятеля не удалось, ибо наши силы были незначительны, 6 сентября к неприятелю подошли новые подкрепления в составе конных частей под командой подп. ген. шт. Пассека (1 сотня казаков, 4¹/₂ сотни

Шамхальской и 4 сотни Аварской милиции; всего – до 1000 чел.). После сильной артиллерийской подготовки, неприятель пытался вновь занять Ободу, но был отбит, потерпев большой урон. К полудню к противнику подошли новые подкрепления из Ахалчиха (бат. Апшеронского полка с 1 орудием; рота Тифлисского полка при 1 орудии была оставлена для защиты укрепления и, как было указано выше, попала в полном составе в наши руки). Одновременно с этим подошли подкрепления и к нам, находившиеся перед этим так же под Ахалчихом (200 чел. кон. и 100 чел. пеш. ополчения под командой Шах-Мирзы). Таким образом, в самом Ободе и на прилегающих высотах Хаджи-Мурат располагал 500 чел. кав., 300 пеш. ополчения и 1 орудием. Неприятель же имел против него 2 бат. пех., роту сапер, 1 сотню казаков и 9¹/₂ сотен милиции при 5 орудиях. Несмотря на такое превосходство в силах, неприятелю и в дальнейшем не удалось овладеть аулом, и к вечеру русский отряд отошел к Хунзаху.

Таким образом, на подступах к Хунзаху, за исключением сдавшегося вскоре Ахалчинского укрепления, не оставалось ни одного русского солдата, если не считать Гоцатля, судьба которого была так же предрешена. Русские сосредоточились в самом Хунзахе и вся Авария была занята нами. Один из русских исследователей характеризует в следующих словах трагическое положение отряда ген. Клюгенау: «Командовавший войсками в северном и нагорном Дагестане принужден был заключиться в Хунзахе, отправив к корпусному командиру, через охотников, донесение в несколько слов о затруднительном положении отряда».

12 сентября Кибит-Магома после двухдневной осады взял штурмом укр. Гоцатль, захватив в нем 2 офицеров, 81 нижних чинов и 1 орудие. По срытию укрепления, оставив на месте Муса-Хаджи с его пешим ополчением в 700 чел., 100 чел. регул, кав. и 1 орудие, в качестве заслона в сторону укрепления Гергебиль и для обеспечения нашего левого фланга, он в тот же день прибыл в Танус и соединился с главными силами. По занятию Гоцатля неприятель оказался совершенно отрезанным и запертым в Хунзахе.

Имам Шамиль для действий против Хунзаха располагал следующими силами: 11000 регул. пех., 1200 чел. регул. кав., 450 чел. пеш. и 700 чел. кон. ополчения и 5 орудий. Всего – 1550 чел. пехоты, 1900 чел. кавалерии и 5 орудий. Силы же осажденных состояли из 4 бат. пех., 1 роты сапер, 1 сот. казаков, 9 1/2 сот. кон. милиции и 12 орудий. Противник был отчасти деморализован нецелесообразными действиями своего командования и подавлен стремительной активностью наших войск. Имам готовился к решительному удару, но судьбе угодно было оттянуть падение Хунзаха еще на 2 месяца – до 16 ноября. Операции по ликвидации мелких укреплений задержали наши войска, дав возможность Самурскому отряду кн. Аргутинского подойти к границам Аварии. Движение этого отряда было известно Иمامу, но он рассчитывал атаковать Хунзах до соприкосновения его с нашими силами в Аварии. Расчет Иمامа не удался на 2-3 дня и он должен был временно отказаться от штурма укрепления. Кн. Аргутинский, после кровопролитного боя у Гоцатлинских высот с Хаджи-Муратом (у которого было 500 чел. кон., 700 чел. пеш. ополчения Муса-Хаджи и 1 орудие), оттеснив наши части к сел. Ках,

прорвался к Хунзаху. Несмотря на то, что гул 9 орудий Самурского отряда был отчетливо слышен в Хунзахе, ген. Клюгенау не рискнул выйти из стен крепости и только 14 сентября, когда Аргутинский был почти у ворот Хунзаха, отряд его вышел навстречу самурцам всего на 4 версты от крепости. Аргутинский привел с собой 6 бат., 2 сотни казаков, 17 сот. кон. милиции, 3 роты сапер и 9 горных орудий. Таким образом, по соединении отрядов, ген. Клюгенау имел в своем распоряжении 10 бат. пех., 4 роты сапер, 3 сотни казаков, 21 сотню кон. милиции (4 сотни Аварской кон. милиции в ночь с 12 на 13 сентября разошлись) и 21 орудие.

* * *

Самурский отряд, прежде чем попасть в Аварию, вынужден был потратить много трудов и усилий, причем начальник его допустил также целый ряд тактических ошибок. Кн. Аргутинский уже 31 августа имел точные сведения о положении в Аварии, ибо получил сообщение Клюгенау с просьбой о немедленной помощи. Однако, вместо того, чтобы сейчас же выступить с имеющимися силами через Хаджал-Махи и Гергебиль, ген. Аргутинский начал комбинировать. Выступив из Кумуха 1 сентября в сторону Караха, он потерял 3 дня и вновь очутился в Кумухе. 4 сентября Аргутинский начал новое движение к Хиндахскому мосту. Ему удалось переправиться через Койсу, оттеснив части Муртазали, и даже занять сел. Ругуджа 5 сентября. Но на следующий день он был задержан на Телетлинских высотах и отошел вновь за р. Кара-Койсу, ибо в тылу у него, со стороны Куяды появился Идрис-Хаджи, угрожая занять аул Ругуджи. На правом берегу Кара-Койсу Аргутинский оставался до 8 сентября, хотя, со слов жителей, он знал уже о падении Унцукуля. Потерпев неудачу при попытке проникнуть в Аварию через Карадах, потеряв бесцельно массу людей (убитыми и ранеными 9 офицеров и 400 нижн. чинов), он, наконец, решается идти в Аварию через Куппу и Гергебиль. 12 сентября поздно вечером прибывает в Гергебиль, присоединяет к себе здесь прибывший накануне сводный батальон Тифлиского полка и 13 сентября, после кровопролитного боя, открывает себе путь к Хунзаху через Гочатлинские высоты.

В тот же день, как бы мстя за наш временный неуспех у Гочатлинских высот, Муртазали Телетлинский оттеснил Кази-Кумухскую милицию и занял Вараинские ворота на границе Андаляла, через которые проходит дорога на Кумух. В то же время Нур-Магомет успешно ликвидировал все попытки Лезгинского отряда ген. Шварца проникнуть в Тлейсерух. Генерал этот, потеряв всякую надежду, наконец, подать с этой стороны помощь в Аварию, прибыл 23 сентября, через Нуху и Чирах, в Кумух, где принял общее командование над собравшимися там частями от подполк. кн. Орбелиани.

Ввиду изменившегося, с прибытием Самурского отряда, положения – Имам решил отложить пока штурм Хунзаха, и связав силы неприятеля рядом позиционных боев, выселить окрестное население: аварцев в Тлох, а койсубулинцев в Ихали. Первый позиционный бой, согласно этого плана, должен

был разыгран под сел. Танус. В один день тут были произведены все приготовления: были устроены завалы и три батареи на 5 орудий; Танус и близлежащий хутор были заняты 1100 чел. рег. пехоты под командой Кибит-Магомы. Хребет Танус-Бал пешим ополчением в 600 чел. под командой Шах-Мирзы; конное ополчение в двух группах обеспечивало фланги; 1000 чел. регул, кон. под командой Омар-Дибера расположились за хребтом Танус-Бал, составляя общий резерв.

Русское командование, по-видимому, не поняло замысла Шамиля, истолковав наши мероприятия, как следствие нерешительности. Неприятельский историк описывает предположение, которым руководствовался ген. Клюгенау: «Неприятель продержится в деревне лишь до ночи, чтобы легче отступить и увести свои орудия». Согласно этого предположения, 14 сентября он со всеми силами, оставив для обороны Хунзаха батальон с 5 орудиями, выступил и занял позиции против нас, в надежде на подавляющее превосходство своих сил легко справиться с нами и не дать нам уйти. Однако, действительность весьма быстро разочаровала русских. Шамиль не думал уходить. Наоборот, все говорило за то, что он постановил упорно драться. Тот же самый русский историк пишет: «На рассвете 15 числа сильная канонада с трех батарей, устроенных в самой деревне, на хребте Танус-Бал и в небольшом между ними хуторе, обнаружила намерение Шамиля упорно обороняться». На наш огонь неприятель ответил огнем из 16 орудий, а затем и из 19, ибо к полудню из Хунзаха были привезены еще 3 орудия. Эта масса артиллерии целый день без перерыва бомбардировала аул, но, кроме этой бомбардировки, русские не предпринимали никаких активных действий. Зато с нашей стороны Муса-Хаджи в тот же день занял снова Гоцатль и выдвинул сотню конницы на Чалду, в сторону Гергебиля. 16 сентября не была сделана никакая попытка перейти в наступление. «Предшествовавшие неудачи, как видно, тяжелым гнетом давили генерала Клюгенау, парализуя в нем всякую решимость» – пишет русский историк. 17 сентября, без всякой на то причины, русские снялись и начали отходить по двум направлениям: к Хунзаху и Гоцатлю. Ясно сознавая значение нового занятия Гоцатля, Имам приказал коннице Омар-Дибера ударить на отряд, направляющийся к Гоцатлю, и опрокинуть его на главную колонну, отходящую к Хунзаху. Блестящей атакой Омар-Дибера заставил противника отойти к аулу Геничутль, где он стал лихорадочно укрепляться. Противник вновь очутился в положении обороняющегося, проявляя полное бездействие. Воспользовавшись растерянностью противника, наше командование закончило выселение населения, предав аула огню. В Аварии наступило затишье. Русские заперлись вновь в Хунзахе, не проявляя никакой активности. Авария, или говоря точнее, Хунзахская котловина была очищена от населения и русские были лишены опорных пунктов, которыми бы в будущем могли воспользоваться против нас. Виновные, давшие возможность врагу осесть в сердце гор, понесли справедливое возмездие, а патриоты, сохраняющие верность национальной идее, были Имамом вознаграждены.

Заперев русских в Хунзахе, Имам решил перенести центр тяжести действий на плоскость. Все предшествующее поведение ген. Клюгенау говорило о том, что он

не скоро еще решится на активность. Поэтому-то, собираясь двинуться на плоскость, Имам ограничился оставлением в Аварии в качестве заслона Хаджи-Мурата с 500 чел. кон. при одном орудии...

ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ В ДАГЕСТАНЕ В 1843 ГОДУ

ЧАСТЬ II

«В то время, как Имам Шамиль выполнял свой план в Аварии, закончившийся, как мы видели, занятием нами этого округа и деморализацией неприятельских сил, действовать здесь, – главное командование, обеспокоенное нашими успехами и боясь за судьбу еще подвластного ему плоскостного Дагестана, спешно начало концентрировать тут новые силы. Неприятельский историк пишет об этом следующим образом: «Корпусным командиром 4 сентября было создано распоряжение о направлении в Северный Дагестан всех свободных войск с кавказской линии. Для руководства же военными операциями отправиться командующему войсками на кавказской линии и в Черномории, генерал-лейтенанту Гурко, которому прибыть в Шуру». Прибыв в Темир-Хан-Шуру, ген. Гурко предписал ген. Фрейтагу немедленно выслать в этот город находящиеся в Чечне три батальона Кюринского полка и 6 орудий. Предписано было также ускорить движение двух батальонов Навагинского полка при 6 орудиях, которые направлялись в Темир-Хан-Шуру из центра линии (из Кабарды и Осетии). В самой Шуре находились в это время 1 бат. Кабардинского полка и 1 1/2 бат. Апшеронского полка при 8 орудиях. Помимо того были усилены гарнизоны укреплений: Гимры – ротою Апшер. полка и 400 чел. кон. милиции, Зыраны – ротою 14-го лин. бат. и 500 чел. милиции, Ирганая – ротою Кабард. полка и 400 чел. кон. милиции и, наконец, Кикуну – 200 чел. кон. милиции. Непосредственное командование над всеми этими гарнизонами было поручено полк. Ясинскому, вменив ему в обязанность прикрыть подступы к Темир-Хан-Шуре. Усилены были также гарнизоны укреплений на Сулаке: Ахатлы, Евгениевского и Миатлы. Находя недостаточными для противодействия нам даже эти силы, генерал Гурко, как пишет неприятельский исследователь, счел нужным еще «просить корпусного командира о присылке в Дагестан войск из-за Кавказа».

Здесь мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть полную пассивность неприятельского командования, которая не может не вызывать удивления, ибо противник располагал силами во много раз превосходящими и численностью и вооружением. Неприятель перешел к обороне, отдавая инициативу в наши руки. Мало того, разбитый искусственными действиями нашего командования на целый ряд отдельных групп, он не предпринимал никаких мер, чтобы соединиться и попробовать нанести нам решительный удар. Например, до 20 сентября противник не сделал ни одной попытки подать помощь ген. Клюгенау со стороны Темир-Хан-Шуры, откуда он мог угрожать нашим тылам. Правда, за Т.-Х. – Шурой зорко

следили Шуаиб-Мулла, Ибрагим-Хаджи и Шахмардан-Хаджи, которые бы сделали все возможное, дабы не дать противнику двинуться отсюда в Аварию. 20 сентября неприятель попытался было выйти из Т.-Х.-Шуры и продвинуться к Хунзаху, но набег Шахмардан-Хаджи на сулакскую линию укреплений и Ибрагим-Хаджи в сторону Зыран, Ирганая и Араканы заставили противника изменить направление и подать помощь в только что перечисленные районы. Такие набеги производились непрерывно как до указанной попытки помочь осажденному гарнизону Хунзаха, так и после нее, заставляя неприятеля в Темир-Хан-Шуре и вообще на плоскости пребывать в постоянном напряжении и еще более раздроблять свои силы. Кроме частей Шахмардан-Хаджи и Ибрагим-Хаджи, такие набеги производились и частями, находящимися под непосредственным начальством Шуаиб-Муллы.

В связи с нашими успехами и благодаря умелой пропаганде, началось сильное брожение среди, казалось бы лояльных до сих пор к русским кумыков (ариаклы, шамхальцев и мехтулинцев) и признавших в силу необходимости власть врага: акушинцев, табасаранцев и др. Наши успехи в Аварии и приготовления в Чечне и Салатавии действовали отрезвляюще на плоскостное население Дагестана. Неприятель характеризует это следующим образом: «Сборы в Чечне и Салатавии сильно действовали на кумыков, можно было ждать, что они сделаются нам врагами; акушинцы отказались дать обещанную милицию, мехтулинцы и шамхальцы волновались».

Это положение еще более вносило в ряды неприятеля нерешительность, заставив ген. Гурко окончательно отказаться от мысли подать помощь в Аварию. Наоборот, он решил отозвать оттуда ген. Клюгенау с большей частью вверенных ему войск для обороны плокости. Такому решению способствовали также все усиливающиеся слухи о скором наступлении Имама в Шам-хальские и Мехтулинские владения. Приказание об отступлении ген. Клюгенау было передано через специальных лазутчиков.

28 сентября ген. Клюгенау прибывает в Шуру во главе 4-х бат. пех., 4 орудий и 12 сот. казаков и милиции, почти не тревожимый по дороге машинами войск, согласно специального приказа Имама. В Хунзахе остаются под командой подполк. Пассека 41/2 бат. пех., а в Зыранах под командой ген. Аргутинского 4 батальона пех., 9 сот. милиции и 11 орудий. Последнему подчиняются и части, находящиеся под командой полк. Ясинского. Правда, ген. Аргутинский не задержался долго в Зыранах, ибо вскоре получил приказание двинуться с батальоном мингрел. полка при 3-ох орудиях и 1200 чел. кон. милиции в Кумух, куда прибыл 13 октября. Здесь он присоединил к себе 1 бат. Тифлиск, полка и 2 других роты из отряда ген. Шварца. Последний же с остальными своими частями отошел в Белоканы, откуда поступали очень тревожные сведения. Почти одновременно с ген. Клюгенау, прибыли в Шуру и 3600 чел. из кавказской резервной дивизии, долженствующие укомплектовать находящиеся в Дагестане пехотные части противника. Вместе с этим, туда же со дня на день ожидалось еще 4 батальона с

соответствующим количеством артиллерии, направленные сюда дополнительно с линии.

Таким образом, после всех перегруппировок, в половине октября неприятель сосредоточил в северном и нагорном Дагестане свои силы в следующем виде: 1) в Хунзахе под командою подполк. Пассека – 4 1/2 бат. при 6 орудиях, 2) в Зыранах под командой полк. Ясинского – 2 бат. при 5 орудиях, 3) в Т.-Х.-Шуре – 6 бат. при 11 орудиях и 1 сотня казаков, 4) на Сулакской линии – 1 бат. и 7 сот. казаков при 2-х орудиях, 5) в Гергебиле – 1 бат. при 6 орудиях. Кроме этого, остальные укрепленные пункты занимались 3-мя линейными батальонами и 2-мя бат. Апшеронского полка. Всего же в северном и нагорном Дагестане к началу новой операции русские сосредоточили – 19 бат. пехоты, 8 сот. казаков и 24 орудия, не считая артиллерии укреплений. К этому нужно добавить, что из Чечни, Кабарды и Осетии русские считали возможным в любое время перебросить в Дагестан еще 8 бат. и 16 сот. казаков, с которыми бы в этом случае прибыл ген. Фрейтаг, Кроме этого, на нашем правом фланге действовал ген. Аргутинский, угрожая зайти нам в тыл. Помимо регулярных частей и казаков, в рядах неприятеля находилась также и довольно многочисленная милиция, но верность ее русским была под большим сомнением и с этой точки зрения она не могла внушать нам особенного беспокойства.

Сведения о наших войсках и намерениях Имама, коими обладал ген. Гурко к середине октября, были чрезвычайно разнообразны и противоречивы. Получалось так, что Имам был вездесущ и угрожал повсюду.

«Генерал Фрейтаг, – пишет А. Юров, – доносил о сборах (наших частей – Х.) в сел. Дилиме – для действий против деревни Андреевой /По сведениям из Дагестана, Шамиль намерен был броситься на Хунзах; воинский начальник Гимринского укрепления доносил, что, по словам жителей, горцы намерены напасть на сел. Гимры; воинский начальник Гергебиля писал, что ему угрожает скопище Кибит-Магомы; лазутчики же утверждали, что Шамиль хочет действовать на сулакскую линию или броситься на плоскость».

Тот же А. Юров, как бы стараясь доказать большую вероятность последнего предположения (о действии Имама на Сулакскую линию или же плоскость), пишет о состоявшемся в этот период съезде наибов, на котором Имам, якобы, заявил:

«Чтобы к 27 октября все было готово и чтобы каждый горец, имеющий корову и пару быков, непременно обзавелся бы лошастью».

Распоряжение это было истолковано русским командованием в том смысле, что Имам намеревался де сформировать многочисленную конницу для того, чтобы перенести военные действия на плоскость. «Наше начальство поддалось на эту уловку», – пишет Юров, указывая при этом на донесение ген. Гурко корпусному командиру от 23 октября.

И действительно, указанное донесение говорит о том, что русское командование уверило в наибольшее вероятие развития нами генеральной операции в сторону Сулакской линии и Кумыкской плоскости и обратило свое преимущественное

внимание на это направление. Этому способствовала и наша постоянная активность в этом направлении и частое пребывание там Имама.

Между тем, фермент недовольства охватывал все более и более широкие круги плоскостного населения. Могущество русских было поколеблено в своих основах и в «покорном» доселе населении вновь пробуждалась уверенность в своих силах.

«Акуша и Цудахар, – пишет русский исследователь, – вступили уже в сношения с Шамилем; шамхальцы и мехтулинцы открыто волновались. В некоторых обществах никто не сомневался в том, что владычеству русских в Дагестане скоро будет положен конец».

Особенно характерным для тогдашних настроений плоскостного населения является нижеприводимое ультимативное требование на имя русского главнокомандующего, озаглавленное подписавшими его следующим образом: «От имени духовных особ, беков и прочих проживающих на плоскости, без исключения малюток, питающихся в люльках, – генералу Гурко».

Далее следовал текст ультиматума:

– «Вследствие возникших между нашими беками и управляющими лицами разногласий и неудовольствий, обиженная сторона пригласила вас (русских) в Дагестан, и сама начала управлять; таким образом, вы успели обмануть людей наших льстивыми словами, уверяя, что государь ваш не притесняет и не обманывает никого. Обманув нас, вы сделались начальниками и влезли на голову нашего народа, обременяя несноснейшую тягостью, пользуясь в тоже время платою, которая нам следовала за наши повинности. С вашей стороны были определены над нами начальниками люди, преданные вам, в бытность коих мы служили вам без вознаграждения; сверх того, вами были отняты места наши без согласия хозяев; – словом, вы и назначенные от вас управляющие наполнили воздух между землею и небом притеснениями, так что для нас день был превращен в ночь, в которую мы долго страдали, по неимению какой-либо защиты. Наконец, теперь, найдя желаемого Защитника (намек на Имама), мы уже проснулись от сна и признаем вас неблаговерными, а потому – вам следует оставить наши земли и возвратиться на прежнее место своих неверных. В противном случае клянемся Великим Богом вести с вами войну до тех пор, пока вы не отступите от наших земель. Могущество присвоено одному Всевышнему Богу, который нам поможет».

Обращение это подписано было 46 виднейшими лицами плоскостного Дагестана, население которого в русских реляциях неоднократно называлось «облагодетельствованным и преданным престолу». Такое настроение господствовало не только среди широких слоев населения, но и среди привилегированного сословия, представители которого номинально продолжали еще исполнять роль правителей отдельных областей. Например, А. Юров в следующих словах характеризует настроение генерала Абул-Муслим Хана Шамхала Тарковского, бывшего самым влиятельным из тогдашних правителей плоскостного Дагестана: «Нерасположение к нам самого Шамхала ясно обнаруживалось медленностью, с которой он исполнял все наши требования».

Как мы уже отметили, Имам Шамиль, после описанной нами в 1 части операции в Аварии, обратил свое внимание на Кумыкскую плоскость и Сулакскую линию и оживил здесь военные действия целым рядом поимок и удачных набегов, произведенных в первой половине октября в районе аула Эндери (Андреева), крепости Внезапной, укреплений Миатлы, Евгениевское, Ой-Сунгур и др. Распутин, частично действовавший в Аварии с ополчением, ввел в дело в только что перечисленных районах регулярные части с артиллерией.

Все это создавало впечатление, что Имам решил использовать антирусские настроения плоскостного населения и перенести на плоскость всю тяжесть операции, с целью добиться тут развязки. Как мы видели из упоминаемого выше донесения ген. Гурко от 23 октября, неприятель истолковал намерения Имама именно в этом направлении.

На самом же деле Имам преследовал пока иную цель. Для него самым важным в это время было окончательное очищение нагорного Дагестана от присутствия врага, и только уже после этого предполагалось перенесение центра тяжести боевых действий на плоскость. Прекрасно ориентируясь в расположении вражеских сил и численном превосходстве их над нашими силами, Имам, однако, решил использовать пассивность неприятеля для проведения следующего своего плана:

1. Изолировать окончательно части неприятеля, занимающие Хунзах. (Такое изолирование в значительной части уже было достигнуто и перед этим, ибо, как пишет неприятельский исследователь – «лазутчики из Шуры не могли пробираться к отряду, запертому в Хунзахе: их или убивали, или заставляли возвращаться, не достигнув цели».) 2. Использовать во всем объеме метод широкого маневрирования, сосредоточив поначалу регулярную и ополченскую конницу в направлении, избранном для демонстрации (Кумыкская плоскость и Самурская линия), и заставить неприятеля стянуть сюда свои главные силы. Достигнув желаемого и пользуясь необычайной подвижностью своих сил, явиться там, где это появление будет наиболее неожиданным и даст нам возможность бить неприятеля по частям. 3. Сосредоточить главную массу регулярной пехоты в наиболее выгодном стратегическом и тактическом пункте. 4. Усилить деятельность муртазек в смысле распространения противоречивых слухов о наших намерениях, а также увеличить пропаганду в районах, занятых противником.

Техническое выполнение плана предполагалось им в следующем виде:

1. Главная масса регулярной кавалерии и конные ополчения: Чеченское, Гумбетовское и Салатавское при 3 орудиях должны сосредоточиться в Дилиме, откуда должны начать демонстрировать в сторону аула Эндери (Андреева) и укрепленной линии Внезапная – Султан-Янги-Юрт – Миатлы – Чир-Юрт, стремясь проникнуть за эту линию. Целью демонстрации должно быть привлечение в названный район возможно большего количества неприятельских сил. По достижению цели на месте должно остаться все ополчение, под командой Шуаиб-Муллы и салатавского наиба Шахмардан-Хаджи, действуя неослабно в направлении укр. Низовое, являющегося базой снабжения неприятеля. Со стороны

укр. Ой-Сунгура и Герзель-Аула действия должны прикрываться Ахвердил-Магомой.

2. Выполнив указанную выше задачу, регулярная конница во главе с самим Имамом должна быстрым маршем выйти на линию укреплений Бурундук – Гергебилю. Сюда же должны подойти Кибит-Магома из Карадага и Хаджи-Мурат из Аварии. Укрепления должны быть взяты и неприятель, таким образом, должен быть отрезан от нагорного и южного Дагестана.

3. Оставить для ликвидации укр. Зыраны и отряда Пассека в Хунзахе Кибит Магому и Хаджи Мурата с ополчением Каратинским, Койсубулинским, Куядинским и Аварским при двух орудиях.

4. По занятию Гергебиля и Бурундука, Имам с регулярными войсками движется на Казанище – резиденцию шамхала и Дженгутай – столицу Мехтули. Заняв названные два пункта, Имам приступает к блокаде Темир-Хан-Шуры. Эту операцию прикрывает Магомет-Кадий Акушинский с Цудахарским и Акушинским ополчениями, производя демонстрацию в сторону Дербента и стремясь подойти под укр. Низовое.

5. Муртазали Телетлинский должен задержать в Кумухе отряд ген. Аргутинского, не давая ему возможность оказать поддержку соседним русским частям.

6. Нур-Магомет Согратлинский, оставив со стороны лезгинской линии лишь наблюдательные пункты (закрытие перевалов исключало возможность действия неприятеля с этой стороны), должен сгруппировать Карахское, Тлейсерухское и Капучинское ополчения в Салтах и Согратле и составлять общий резерв.

С этим подробным планом Имам ознакомил на тайном заседании следующих набов: Ахвердил-Магому, Кибит-Магому, Хаджи-Мурата, Шуаиб-Муллу, Нур-Магомета, Муртазали и Шахмардан-Хаджи. Каждый из присутствующих получил подробные инструкции и разъяснения, с указанием, что все приготовления должны быть закончены к 25 октября. Тайное заседание совпало со съездом всех набов, созданным 17 октября 1843 г. в ауле Чиркаты, что неподалеку от Унцукуля.

К 22 октября концентрация наших сил была закончена и представлялась в следующем виде:

1 – В районе Дылим – Акташ Аул, под личным руководством Имама и при ближайших помощниках его – Шуаиб Мулле и Шахмардан Хаджи, сосредоточились: 1500 чел. регул, кавалерии, 250 чел. пехоты и 3 орудия. Кроме этого, здесь же находились 1250 чел. кон. и 825 чл. пехоты чеченского, гумбетовского и салатавского ополчений.

Задача группы состояла в демонстрации под крепостью Внезапной с одновременным движением по двум направлениям: а) – Шахмардан Хаджи должен был проникнуть за линию реки Сулак к укреплению Низовому, где находилась база снабжения неприятеля, и б) – движение Шуаиб Муллы, через Костек, в направлении Кизляра, чем брались под непосредственную угрозу тылы неприятеля.

Названная акция должна была дезорганизовать планы русского командования, и заставить его сосредоточить свои подвижные резервы в угрожаемых районах.

2 – В районе Карадахский мост – Гоцатль, под командой Кибит Магомы, находились: 1800 чел. пехоты и 400 чел. конницы при 3 орудиях.

В задачу этой группы входила диверсия на плоскость, причем исходным пунктом должны были стать занятые по пути аулы Кикуны и Гергебиль. Отсюда должны были быть атакованы и взяты укрепления Гергебиль и Бурундук-Кала, и этом случае Кибит-Магома должен был действовать совместно с частями регулярной конницы, пришедшими с плоскости. В случае успеха, достигалась двоякая цель: совершенно изолировался отряд полк. Пассека и упрочались наши тылы в случае дальнейшего движения в Шамхальство и Мехтули.

3 – В районе Мегеб – Обох – Кегер, под командой Муртазали Телетлинского – 125 чел. регул, кон. при 1 орудии, 600 чел. пеш. и 250 чел. кон. кюадинского и андалальского ополчений.

Эта группа должна была наблюдать за действиями Самурского отряда в Кумухе, обеспечивать фланг и тыл наших войск и, наконец, препятствовать подаче помощи отряду ген. Гурко (22 октября ген. Гурко выступил из Темир-Хан-Шуры в сторону крепости Внезапной) и гарнизону Гергебиля.

4 – В районе Цудахар – Акуши находились 400 чел. пеш. и 350 чел. кон. акушинского и Цудахарского ополчений под общим начальством Магомет Кади Акушинского.

Эта группа также должна была сосредоточить свое внимание в сторону Кумуха, прикрывая с этой стороны наши действия под Гергебилем. Одновременно с этим, Магомет Кади должен был стремиться конными частями выйти к укр. Низовому и овладеть им.

5 – В районе Сиух-Моксох, под командою Хаджи Мурата, были собраны – 200 чел. регул, кон. при 1 орудии, 500 чел. пеш. и 200 чел. кон. Каратинского, Койсубулинского и Аварского ополчений. Хаджи-Мурат должен был непрерывно беспокоить запертый в Хунзахе отряд полковника Пассека и стараться его окончательно деморализировать. Вместе с этим, он должен был противодействовать подаче помощи осажденным отрядом полк. Ясинского, который находился в укр. Зыраны, и, наконец, тревожить гарнизон укр. Гимры.

6 – Общий резерв главного командования под командою Нур Магомета Согратлинского. Резерв этот состоял из Карахского, Капучинского, Тлейсорухского и Гидатлинского ополчений, из которых 1110 чел. находились в Салтах, а 500 чел. в Согратле.

20 октября Имам приступил к осуществлению выработанного плана, прибыв для этой цели в Дылим и взяв здесь в свои руки общее руководство операцией. В тот же день он приказал Шуаиб Мулле двигаться на Костек через Хасав-Юрт (800 чел. кон. ополчения при 1 орудии), а Шахмардан Хаджи через Султан-Янги-Юрт на укр. Озень (400 чел. кон. и 300 чел. пеш. ополчения). Сам же, с регулярными частями и

450 чел. пеш. ополчения при 2 орудиях, 21 октября подошел к аулу Эндери и крепости Внезапной, открыв по последней артиллерийский огонь.

Демонстрация удалась как нельзя лучше. Неприятель, ожидавший, как об этом писалось выше, в этом направлении главный наш удар, сейчас же отозвался и его подвижные резервы как со стороны Т. -Х. – Шуры, так и со стороны правого фланга потянулись сюда. А. Юров свидетельствует об этом следующим образом: «Генерал Гурко, для поддержания крепости Внезапной и плоскости, выступил из Шуры 22 октября в восемь часов пополудни, со сводным Апшеронским батальоном и двумя батальонами Тифлисского полка, при двух легких и 2-х горных орудиях. На другой день, перед вечером, отряд этот прибыл в Султан-Янги-Юрт, где уже находились: первый бат. Кабард. полка, два легких орудия и шесть сотен донских и уральских казаков, прибывшие с Сулака, под начальством подполк. Евдокимова». Тоже самое сделал, только двумя днями позже, генерал Фрейтаг: «Ген. Фрейтаг с 1-м и 3 бат. Куринского полка, при 8 орудиях и со всею кавалериею (1100 шаш.) перешел из Куринского укрепления (Ой-Сунгур) в укр. Ташкичу, уведомив по линии о намерениях неприятеля и приказав майору Суслову – притянуть главные резервы».

По прибытии в Султан-Янги-Юрт, ген. Гурко имел о намерениях Имама такие сведения: «Здесь сведения о чрезвычайных сборах неприятеля, с целью вторжения на кумыкские владения и нападения на деревню Андрееву (аул Эндери), подтверждались последующими донесениями генерала Фрейтага, полк. Козловского и исправляющего должность главного кумыкского пристава, равно как и слухами и показаниями лазутчиков». На основании этого, 25 октября, ген. Гурко приказал: «Генералу Клюгенау, для защиты Миатлинской переправы, направить из Т.-Х. – Шуры батальон пехоты».

Между тем, Имам, пользуясь этим неведением русского командования, 27 октября, оставив Шуаиб Муллу и Шахмардан Хаджи для продолжения демонстрации (с ополчением и регулярной пехотой при 2 орудиях), сам во главе регулярной конницы в один переход прибыл под укр. Гергебиль. 28 октября, по занятии аулов Гергебиль и Кикуну и соединении с группой Кибит Магомы, наши войска приступили к осаде укр. Гергебиль, которое находилось в 1½ верстах от аула Гергебиль.

Наш маневр был настолько неожиданным для русского командования, что генерал Гурко, получив донесение о движении Имама обратно в горы, решил, что мы совершенно отказались от продолжения операции и Имам «распустил свои скопища». Успокоенный, ген. Гурко двинулся обратно в Т.-Х. – Шуру и здесь, в пути, получил 31 октября первые сведения об истинных намерениях Имама. Факт этот описывается А. Юровым следующим образом: «Ночью, на пути из Султан-Янги-Юрта в Шуру, получено было донесение генерала Клюгенау о занятии неприятелем селений Кикуну и Гергебиля».

Приступив к осаде укрепления Гергебиль, Имам принял все необходимые меры, чтобы прикрыть осаждающие войска как со стороны укреплений Зыраны и Аймаки, так и со стороны Оглы и Араканы. В этих направлениях действовали ополчения

Муса Гитинау и Идрис-Хаджи. Неприкрытым оставалось направление на Темир-Хан-Шуру, но Имам считал, что отсутствие там ген. Гурко с подвижным резервом позволит, до прихода последнего, покончить с Гергебилем.

Нужно отдать справедливость, гарнизон укрепления, ответив на предложение о сдаче отказом, оказал стойкое сопротивление. Три штурма, предпринятые нами 29 и 30 октября, были отбиты. Тогда решено было приступить к правильной осаде. Неприятель об этом говорит так: «Горцы начали рубить сады, устраивать фашины и туры, под прикрытием которых приближались постепенно к валу укрепления». Работы эти производились под руководством наиба-инженера Закария Чохского. После восьмидневной осады, укрепление, гарнизон которого состоял из батальона Тифлисского полка и 6 орудий, было взято штурмом и срыто.

Необходимо отметить при этом один показательный эпизод: на пятый день осады ген. Гурко, во главе дагестанского отряда, прибыл на Аймакинские высоты на выручку укрепления; однако, простояв 2 дня на виду у осажденных, под натиском 400 чел. нашей пехоты под командой Кибит Магомы, поспешно отступил. Это отступление является совершенно непонятным, если принять во внимание, что русские войска при 15 орудиях (3 1/2 бат. при 5 орудиях непосредственно при ген. Гурко, 1 1/2 бат. при 3 орудиях в Оглы, 1 бат. при 1 орудии в Аймаки и, наконец, гарнизон Гергебиля) и во много превышали наши войска.

Этот постыдный факт А. Юров описывает так:

«Вдруг, около четырех часов пополудни, сверх всякого ожидания, на аймакинских высотах заблестали на солнце штыки. Настроение гарнизона мгновенно изменилось: отвага закипела, отчаяние сменилось восторгом. Но недолго пришлось радоваться. 6 ноября дагестанский отряд отступил, предоставив Гергебиль, в силу стечения обстоятельств, собственным его средствам».

Необходимо добавить к тому, что, в случае успеха, ген. Гурко освобождал не только укрепление Гергебиль, но и значительно облегчал положение полк. Пассека в Хунзахе, затрудняя нам вместе с этим освобождение Аварии.

Нерешительность ген. Гурко была использована нами надлежащим образом.

9 ноября, сейчас же после взятия Гергебиля, Имам решил приступить к осуществлению следующего плана:

1 – Главными силами перейти в энергичное наступление в 2-х направлениях: а) – под личным командованием Имама в составе 1325 чел. пехоты и 1350 конницы при 3-х орудиях по оси – Гергебиль – Аймаки – Аркас – Казанище, и б) – под командою Нур Магомета Согратлинского (850 чел. пеш. и кон. ополчения при 1 орудии) по оси – Салты – Ходжал Махи – Дуранги – Дженгутай – Буглен – Муслим Аул.

Цель и задачи этого наступления – подчинение Шамхальства и Мехтули и подход под крепость Т.-Х.-Шуру с целью блокирования.

2 – Для ликвидации укреплений Зыраны и Бурундук-Кала оставляются под командою Кибит Магомы 1100 чел. пешего и конного ополчения при 2 орудиях, которым должны оказывать содействие части Хаджи-Мурата.

3 – Шуаиб Мулле с 800 чел. регул. и ополченской конницы при 1 орудии переправиться на правый берег Сулака, занять Кумтор-Кале и Капчугай, выселить население, а аулы сжечь. По исполнении этого, перейти в Кафир-Кумух – т.е. под Темир-Хан-Шуру, где связаться с частями Нур-Магомета в Муслим-Ауле.

4 – Салатавскому наibu Шахмардан Хаджи энергично действовать на линии Сулака на участке укреплений Чиркей – Миатлы, кои занять и срыть.

5 – Магомету-Кади Акушинскому с 350 чел. кон. ополчения при 1 горном единороге глубоким рейдом подойти к укр. Низовое – базе неприятельского снабжения, запасы захватить, а укрепление срыть.

6 – Уллубий-Мулла должен из Дылима беспокоить неприятеля постоянными диверсиями и препятствовать ген. Фрейтагу в подаче помощи в Темир-Хан-Шуру.

7 – Задание Муртазали Телетлинского остается без изменения с той разницей, что ныне ему подчиняются еще и находящиеся в Согратле под командой Магомета-Кади Андаляльского 500 ч. ополчения.

* * *

11 ноября Имам с боем занимает Казанищи и останавливается во дворце Шамхала, Передовые части войск располагаются по речке Шуринке. Нур-Магомет Согратлинский 10 ноября занимает с боем Дженгутай и 11 числа с главными силами вытесняет отсюда около 500 чел. пехоты и милиционеров. 12 ноября Имам лично производит рекогносцировку крепости Шуры и подступив к ней, решает блокировать крепость, отрезав ее от внешнего мира. 14 ноября в Кафир-Кумух, через Кумтор-Кале и Капчугай, прибывает Шуаиб-Мулла во главе 850 чел. конного ополчения при одном орудии и сменяет находящиеся здесь 150 чел. ополчения Нур-Магомета.

В результате всех этих действий, к 17 ноября расположение наших сил представлялось в следующем виде:

1 – Кафир-Кумух – Халимбек Аул: 850 чел. кон. ополчения и 200 чел. регул, пех. при 1 орудии под командой Шуаиб-Муллы.

2 – Муслим Аул-Буглен: 450 чел. регул, пех., 200 чел. кон. и 500 чел. ополчения при 2 орудиях под командой Нур-Магомета.

3 – Казанище – Дженгутай: 750 чел. пех., 900 чел. кон. при 3 орудиях и 450 чел. ополчения под командой карахского наiba Абдурахман-Дибера.

5 – Эрпели – Ишкарты: 450 чел. пех. и 400 кон. ополчения при 1 орудии под командой гумбетовского наiba Саид-Кадия.

4 – Агач Аул: 300 чел. кон. ополчения под командой Идрис-Хаджи.

Всего под крепостью Темир-Хан-Шурой было сосредоточено: 2500 чел. регул. войск, 2600 чел. ополчения, 6 орудий и саперная команда в 75 человек.

Однако силы эти, при всей своей боеспособности и высоких моральных качествах, были недостаточны для овладения Темир-Хан-Шуры. Имам отлично это понимал, но учитывал то обстоятельство, что морально подавленный враг, без содействия извне не посмеет выйти из крепости и этим облегчит нам: 1) – уничтожение укрепленной линии по Сулаку, 2) – овладение укреплением Зыраны,

последним оплотом русских в нагорном Дагестане, 3) – установить власть Имама среди населения плоскости и выселить отсюда часть населения в горы, и 4) – пополнить запасы продовольствия и боевых припасов за счет отобранных у неприятеля.

14 ноября, под натиском наших частей, от неприятеля очищаются укрепления: Гимры, Зубут и Чиркей. Укрепление Миатлы осаждено Шахмарданом Хаджи, а укрепление Низовое – Магометом-Кади Акушинским, причем этим последним по пути захвачена богатая добыча.

16 ноября полковник Пассек, воспользовавшись временным отсутствием Хаджи-Мурата, оставляет злополучный Хунзах и на следующий день соединяется с отрядом полк. Ясинского в укр. Зыраны. При этом движении сильно пострадал лишь арьергардный батальон у Балаханы от ополченцев Мусы Гитинау. В тот же день – т.е. 17 ноября, сдалось Хаджи-Мурату укрепление Бурундук-Кала. И, наконец, 23 ноября Шахмарданом Хаджи было штурмом взято укрепление Миатлы. Укрепление же Евгениевское было блокировано чиркеевцами и зубутовцами.

Но в этом промежутке времени нам пришлось потерпеть и незначительную неудачу. Ген. Фрейтаг, усыпляя бдительность Уллубий-Муллы, с 3 бат. пехоты и 14 сот. казаков при 8 орудиях, 20 ноября подошел к укреплению Низовому и освободил его гарнизон от осады. Правда, события на Кумыкской плоскости заставляли ген. Фрейтага в тот же день уйти обратно, но укр. Низовое было спасено. Уллубий-Мулла двинулся в сторону Сул-тан-Янги-Юрта, занял его и Чир-Юрт, отбросив к укр. Кази-Юрт находившегося здесь с 2 бат. пех., 3 сот. казаков при 6 орудиях полк. Евдокимова. Население занятых аулов выселилось в горы.

Положение в Шамхальстве к этому времени Магомет-Тагир Карахский описывает так: «Почти все шамхальцы, за исключением тех, которые скрылись в Шуре у русских, изъявили полную покорность и выдали заложников в залог их будущей верности шарияту».

В условиях того времени Темир-Хан-Шура представляла из себя в Дагестане крепость первой причины. Она была обнесена прекрасным валом с глубоким рвом и линией оборонительных башен. В крепости были сосредоточены громадные склады и помещался военный и административный центр Дагестана. В описываемое время гарнизон ее состоял из 7 бат. пех., 4 сотен казаков и шамхальской милиции, роты сапер, 17 полевых и горных и 12 крепостных орудий.

В осажденной крепости царила растерянность и нерешительность. Д. Юров говорит: «И так, два отряда были прикованы к месту: один в Шуре, другой в Аварии (укр. Зыраны) и не были в состоянии не только подать друг другу руки, но даже что-либо предпринять». Магомет Тагир доканчивает сказанное Юровым следующим образом: «Наше командование, привыкшее ничему не удивляться, было поражено бездеятельностью и растерянностью русских военачальников и их беспримерной податливостью к панике – в глазах коих неприятель формально удесятерился».

Ген. Гурко взывал помощь со всех сторон. Им было послано энергичное требование о помощи генералам Аргутинскому и Фрейтагу, а также просьба к корпусному командиру в Тифлис.

Ген. Аргутинский не мог не знать о положении «Темир-Хан-Шуры и без сообщений ген. Гурко. Однако, он оттягивал выступление и, когда решился это сделать, выбрал для своего движения совершенно необычный путь. Имея при себе вполне достаточные силы для движения в любом направлении (41 бат. пех., 2000 чел. конной милиции и 9 орудий) он, вместо прямого движения на Цудахар и выхода на Аркаские высоты, где наши главные силы под Темир-Хан-Шурой могли быть отрезаны, предпринимает не выдерживающее никакой критики движение». «Глубокий снег и вьюги на Дурчидаге, – пишет А. Юров, – вместе с восстанием Акуши и Цудахара, заставили князя Аргутинского, уже стянувшего свой отряд к Кумуху, идти на выручку Шуры кружным путем, к Самуру, и оттуда на город Дербент. Пока движение это совершилось, обстоятельства шли быстро, и самурский отряд опоздал».

Объяснение Юрова едва ли можно признать удовлетворительным, ибо «снег и вьюги» несколько не препятствовали движению наших войск. Ген. Аргутинский просто-напросто потерял доверие к своему отряду и вообще разуверовал в «непобедимость русского оружия» в Дагестане.

Медлил с помощью и Фрейтаг, ибо положение его было также незавидным, и он без ущерба для себя не мог дать ни одной роты. Командир же корпуса приказал спешно перебросить с правого фланга и центра все, что только возможно, но во всяком случае не менее 6 бат. с соответствующим количеством артиллерии. Как мы увидим ниже, ген. Фрейтаг должен был подчиниться этому распоряжению и прибыть, все же, на помощь осажденным.

Если бездеятельность проявлялась со стороны Гурко и Аргутинского, то в меньшей степени проявлял ее и полк. Пассек в Зыранах. Сидя в 1 1/2 переходах от Темир-Хан-Шуры с 5 1/2 бат. пехоты, командой сапер, сотней милиции и 17 орудий, он даже не пытался сломить блокаду «несметных сил» Хаджи-Мурата и Кибит-Магомы, состоящих вначале из 17 сотен конного и пешего ополчения при 2 орудиях, а затем, после прибытия Магомета-Кади Акушинского из под укр. Низового, увеличившихся еще на 3 сотни кон. ополчения.

Зная о том, что помощь не может быть подана ниоткуда и имея ясное и определенное приказание ген. Клюгенау в наикратчайший срок пробиться в Темир-Хун-Шуру, полковник Пассек предпочитал сидеть в Зыранах несмотря на то, что войска начали терпеть уже всяческие лишения.

Так продолжалось до половины декабря, до момента прибытия с подошедшими резервами ген. Фрейтага. Отряд Фрейтага, согласно русских источников, состоял из 6 1/2 батальонов пехоты, 1350 рекрутов, 1400 казаков и 18 орудий. Иначе говоря, прибыло около 10000 штыков и шашек и 18 орудий.

Несмотря на столь значительные размеры, отряд из укр. Кази-Юрт до Темир-Хан-Шуры двигался 8 дней. Объясняется это искусными действиями салатавского наиба Шахмардана Хаджи, который, буквально на каждом шагу задерживал

русский отряд своими 20 чел. регул. конницы и 750 чел. ополчения, имея при этом всего навсего 1 орудие. Не надо забывать, что это происходило на плоскости, где условия обороны далеко менее выгодны, чем в горах.

После прибытия Фрейтага, в Темир-Хан-Шуре сосредоточились: 13 ½ бат. пехоты, 18 сотен казаков и милиции, саперная рота и 35 орудий – т.е. около 1700 штыков и сабель при 35 орудиях.

Поход в пределы Шамхальства принес нам значительные моральные и материальные успехи.

Прежде всего, учреждены были 2 новых наибства, и шамхалом вместо генерала русской службы Абул-Муслим-Хана, был назначен брат его Магомет-Бек, большой энтузиаст и сторонник независимости. Магомет-Бек после назначения присягнул на верность Иمامу 27 ноября в главной мечети в Казанище.

Затем были сожжены аулы Тарки, Шамхал-Янги-Юрт, Кумтор-Кале и Капчугай, а население их выселено. Выселено также население из Кафир-Кумуха и Халимбек-аула в Эрпели и Каранай, а из Муслим-аула и Буглена в Казанищи и Дженгутай.

Наконец, из аула Тарки был перевезен прах первого Иمامа Гази-Магомета и торжественно похоронен в родном ауле Гимры. На похороны прибыли делегации почти от всех горских племен.

* * *

Между тем, предчувствуя появления значительных русских сил в районе Темир-Хан-Шуры, Имам предпринял соответствующие шаги. Часть ополчения, легко одетая, была распущена и заменена ополчением из Шамхальства и Мехтули. Все раненые и излишние тяжести были эвакуированы в горы. Таким образом, приход ген. Фрейтага застал наши части вполне подготовленными на случай отхода.

И действительно, осада Темир-Хан Шуры, гарнизон которой значительно увеличился и во много раз превышал наши части, потеряла смысл. Имам решил отойти, и на рассвете 15 декабря отдал следующие распоряжения:

1) – Всем регулярным частям, находившимся в районе Темир-Хан-Шуры, при 3 орудиях, под командой Абдурахман-Дибера Карахского, отходить в направлении Аркас-Араканы, откуда, по обстановке, действовать во фланг или тыл противника.

2) – Ополченским частям и 200 чел. регул. Конницы при 1 орудии под командой Нур-Магомета отходить в направлении Мусим-аул – Дженгутай – Охли и из последнего пункта связаться с главными силами в Араканах, выставив одновременно сильный пост в 100 чел. у Дженгутаевских высот.

3) – Шуаиб Мулле вернуться на Кумыкскую плоскость под крепость Внезапную.

4) – Гумбетовскому наibu Саид-Кади выдвинуть сильный пост в сел. Эрпели.

5) – Идрис-Хаджи с 400 чел. кон. ополчения отходить по линии Агач Аул – Бурундук-Кала, где сосредоточиться и связаться с Хаджи-Муратом под укр. Зыраны.

Отход наших войск начался в тот же вечер, после двух кровавых схваток под Муслим-аулом и Кафир Кумухом.

Взятое неприятелем направление на Казанище – Муслим-аул и количество введенных в дело частей было достаточными Иمامу для определения, что главной целью неприятеля в данный момент является освобождение отряда полк. Пассека. Таким образом, оказалось, что распоряжения, отданные им предыдущего дня, были вполне правильными.

16 декабря ген. Гурко прошел через Казанище на Бурундук-Кала, имея 7 бат. пехоты, ракетную роту, роту сапер, 1 сотню казаков и 8 горных орудий. В Казанище были оставлены 2 батальона, а к Аркасским воротам двинут Фрейтаг с 3 батальонами, 8 сотнями казаков при 8 орудиях. Отряд Фрейтага должен был обеспечить тыл ген. Гурко.

17 декабря под натиском неприятеля, Идрис-Хаджи отошел в сел. Ирганай, где вошел в подчинение Хаджи-Мурата.

В тот же день неприятельская колонна начала спускаться к укр. Зыраны, оставив в Бурундук-Кала в качестве заслона 1 бат. при 2 орудиях. Об этом движении осажденный полк. Пассек был предупрежден лазутчиком еще в ночь на 17 декабря.

В результате этого маневра, на рассвете 17 декабря Хаджи-Мурат отвел части, расположенные в Ирганай, оставив на месте небольшой пост для наблюдения в сторону Араканы. Сделал он это согласно приказанию Имама, которое гласило: «В случае выявления врагом намерения оставить укр. Зыраны, открыть ему дорогу через аул Ирганай, а затем ударить в тыл отходящей колонны». С прибытием Фрейтага и движением русских войск из Темир-Хан-Шуры в горы, успех осады укр. Зыраны становился проблематичным. Имам это учитывал, учитывал он при этом и психику осажденного гарнизона. Зная о близости значительных сил своих войск и помня недавнюю историю с «воспомогательной» экспедицией ген. Гурко, гарнизон едва решился, по предложению Имама, ждать помощь в стенах укрепления и готов был сам двинуться на соединение с главными силами, если бы имел к тому какую-либо возможность. Заранее же предопределенный отход Хаджи-Мурата давал ему эту возможность.

Таким образом, ускоривалось без особых усилий полное очищение нагорного Дагестана, ибо все говорило за то, что экспедиция ген. Гурко носит вспомогательный характер, и как только гарнизон укр. Зыраны будет освобожден, русские войска уйдут на плоскость.

Расчет Имама оказался правильным. В ночь с 17 на 18 декабря гарнизон Зыраны, видя, что путь свободен, вышел из укрепления, и довольно поспешно стал отходить в Бурундук-Кала. У А. Юрова это отступление описывается так:

«17-го, на рассвете, получено было известие от генерала Клюгенау, что отряд генерала-лейтенанта Гурко прибыл в Бурундук-Кала... Были брошены в Койсу все снаряды из парка, а также три орудия, которые невозможно было доставить в Шуру по трудности зимней дороги, по необходимости быстрого отступления. В полночь, сняты все секреты и цели с позиции при селении Зыраны, и передовая часть войск прошла за резерв, а потом резерв, разложив большие костры на биваке, отступил, соблюдая полную тишину, в укрепление. К двум часам пополудни, были сняты орудия и роты с редутов, а в четыре часа утра, 18 декабря, после 30 дневной блокады,

.аварский отряд выступил к урочищу Бурундук-Кале. На половине дороги он встретил авангард главного отряда, а потом – командовавшего войсками, генерала Гурко и генерала Клюгенау».

В этом отступлении Пассек потерял почти целиком арьергардный батальон, который находился почти на всем пути под ударами Хаджи-Мурата. Соединение Пассека с отрядом ген. Гурко прекратило преследование и, как об этом свидетельствует в своих записках Идрис-Хаджи, предотвратил начавшуюся в отряде Пассека панику.

После соединения двух русских отрядов, ген. Гурко начал обратное движение. Войска его прошли гору Ширшерик-меэр и к ночи прибыли к хуторам, что находятся у Казанищи, а затем, на следующий день 19 декабря, отошли в Темир-Хан-Шуру. Всю дорогу они преследовались Хаджи-Муратом (400 чел. пеш. и 300 чел. кон. ополчения) и Кибит-Магомой (1000 чел. регул. кон. при 1 орудии), которые держали неприятеля в постоянном напряжении. В день прихода ген. Гурко в Темир-Хан-Шуру, наша конная сотня из отряда Нур-Магомета, находившаяся на Дженгутаевских высотах, перешла в аул Буглен.

Оставив по линии реки Сулак, в ауле Эрпели и у Аркассий и Дженгутаевских ворот конные посты, Имам распустил все ополчение, поставил на зимние квартиры: пехоту – в селениях Гергебиль, Зыраны, Салты и Гоцатль, а кавалерию – в Обох, Карадах и Дарго.

Неприятель расквартировал свои силы в Темир-Хан-Шуре, Кафир-Кумухе, Муслим Ауле, Казанище и Ишкарты. Фактически, вне пространства, заключенного между этими пунктами, власть русских в Шамхальстве не распространялась. Несмотря на незначительность района и большое количество войск, и здесь русские чувствовали себя далеко не спокойно, факт этот был отмечен официальной инструкцией ген. Гурко. «Так как на шамхальцев нельзя полагаться, – гласила инструкция, – то нижним чинам воспрещено ходить в Шуру поодиночке; отправлять лишь команды, и чем дальше отстоит селение от Шуры, тем команды должны быть сильнее. Рекомендуются посылать два или три раза в неделю постоянные оказии».

Чрезвычайно затруднена была также связь с центром и с высшим командованием на Кавказе. Связь в сторону севера имела лишь с укреплением Кази-Юрт, через Капчугай – Кумтор Кала – укр. Озень, для чего в этих пунктах сосредоточены были по 1 бат. пехоты, 2 сотни казаков и 1 орудие. Связь же с крепостью Дербент была прервана из-за изменившегося положение в Мехтули.

О том, как приходилось поддерживать связь с Кази-Юртом, неприятельские источники повествуют следующим образом: «Для сообщения между Шурую и Кази-Юртом приказано было учредить еженедельные оказии с прикрытием, смотря по сведениям о неприятеле и по числу повозок; но, во всяком случае, не менее, двух рот пехоты, полусотни казаков, при одном орудии».

Так закончились военные события в Дагестане в 1843 году. Значение этих событий было огромно, и факт этот был отмечен даже неприятелем. «Итак, – пишет А. Юров, – военные действия 1843 года в Дагестане были окончены. Итог наших потерь с 27 августа по 22 декабря следующий: убито, ранено, контужено, без вести пропало и взято в плен генералов, штаб и обер офицеров 92, нижних чинов 2528. Потеря же материальными средствами состояла из 27 орудий, 8 крепостных и 2152 обыкновенных ружей, 13816 зарядов, 35000 патронов, 50 пудов пороха, 180 палаток, 368 казенно-подъемных лошадей и различных вещей комиссариатского, артиллерийского и инженерного ведомств. Неприателем разрушено до основания 12 (в действительности 15) укрепленных пунктов: Унцукуль, Балаханы, Моксох, Ахальчи, Цатаных, Гоцатль, Гергебиль, Бурундук Кала, Хунзах, Низовое, Зыраны и Гимры.

Так завершился достопамятный и грустный для нас 1843-й год, собственно, в Дагестане. Пред изложенными выше событиями в этой части края бледнеют все наши действия и случаи столкновений наших с неприятелем на всех других пунктах Кавказа. Да и не могло там быть ничего особенно серьезного, потому что, во-первых, всеобщее внимание наше и всех магометанских племен кавказской окраины было направлено на Шамиля и дагестанских горцев, от успеха или неудач которых зависело относительное положение непокорного нам в то время Кавказа, а во-вторых, и потому, что, ведя усиленную, сверх всяких соображений и ожиданий, борьбу в Дагестане, мы не имели ни сил, ни возможности осуществить на других пунктах даже ту программу, которая была заблаговременно начертана для нашей деятельности в 1843-м году».

Оценку операции заканчивает А. Юров так: «Если взять во внимание, что многие годы обошлись нам и многими жертвованиями, то, по присоединении последних к потерям злополучного 1843-го года, результатом которого они служили, окажется, что, на самом деле, 1843 год обошелся нам по крайней мере вдесятеро дороже того, что исчислено уже в своем месте».

В своих записках гергебильский наиб Идрис-Хаджи пишет, что в операции 1843 года было взято одних только пленных около 2000 человек и 35 орудий, а укрепленных пунктов 15. В приводимом итоге А. Юров умалчивает о взятых и скрытых нами укреплениях – Чиркей, Миатлы и Зубут.

Интересно привести здесь характеристику официальных русских реляций, данную ген. В. Гейманом в своих воспоминаниях о службе на Кавказе: «Писались реляции, прославлялась потеря наша, а неприятельская была всего больше, – ведь ее проверить было невозможно и всегда обозначалось: неприятель потерял самых лучших людей. Сложился по этому поводу даже следующий анекдот: адъютант, докладывая начальнику реляцию, спрашивал: Ваше Превосходительство, сколько прикажете показать потери у неприятеля? – Да что жалеть! Покажите столько-то. Если по всем реляциям сосчитать показанную потерю неприятеля, то надо удивляться плодовитости горцев, когда еще их там много осталось после покорения Кавказа».

Тот же генерал Гейман, проводя параллель между нашими воинами и своими солдатами, пишет: «Горцы, сравнительно, несли потери гораздо меньше нас, потому что они были вооружены нарезными винтовками, которые стреляли и дальше, и вернее наших весьма плохих кремневых самопалов. К тому же, горцы были искусные стрелки, приучаясь и стрельбе чуть ли не с детства; нашим же солдатам некогда было учиться стрелять (за время 25 летней службы можно было бы научиться – Б.Х.), и искусство заменялось огромным количеством выпускаемых патронов на каждый горский выстрел. Затем, горцы искусно умели пользоваться местностью и действовали врассыпную: мы же должны были двигаться массами. Горец легко одет, без всякой ноши, быстро мог переменить место: наши же солдаты, с тяжелым боевым снаряжением, должны были двигаться медленно. Вот главная причина, почему мы, сравнительно, несли громадные потери».

Это – слова известного русского генерала, начавшего свою карьеру от чина прапорщика в действующем Кавказском корпусе. Следовательно, оценка вполне компетентная. Генерал Гейман ясно подчеркивает, что: 1) – боевая подготовка горца-воина стояла несравненно выше таковой же у русского солдата; 2) – вооружение горца было лучше; 3) – горец искусно пользовался местностью и в этом свойстве также значительно превосходил русского солдата; и 4) – маневренная способность наших войск и командования были также лучше, чем у противника.

Все эти свойства нашей армии блестяще были выявлены в операции 1843 года. Не надо забывать при этом, что нашим противником была первоклассная в Европе армия, пожавшая незадолго перед этим лавры победы в войнах с Наполеоном.

Думаю, что попытка моя восстановить в правдивом освещении один из эпизодов героической борьбы наших горцев за независимость, под водительством генерального верховного вождя горцев Кавказа Имама Шамиля, с достаточной ясностью доказывает, что мы и стратегически и тактически стояли, во всяком случае, не ниже своего врага.

Из антологии "Сказания о Дагестане". Сопроводительные очерки, перевод, комментарии и составление © Муртазали Дугричилова. Дагестанское книжное издательство, Махачкала, 2000 г.